

Опасные времена.
Загадочные смерти.
Погоня за убийцей.

Огненный Суд

Продолжение
бестселлера №1 —
феноменально
успешного романа
«ЛОНДОН В ОГНЕ»!

В лучших
традициях
детективов
о Мэтью Шардлейке
от К. Дж. СЭНСОМА!

Впервые на русском!

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

The Big Book

Эндрю Тейлор

Огненный суд

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Тейлор Э.

Огненный суд / Э. Тейлор — «Азбука-Аттикус», 2018 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-24855-7

ОПАСНЫЕ ВРЕМЕНА. В сентябре 1666 года Великий пожар превратил Лондон в руины. Спустя восемь месяцев начинается восстановление города. Но за чей счет? Это должен решить неподкупный Пожарный суд, поэтому владельцы и арендаторы сгоревших домов ведут ожесточенную борьбу, чтобы суд решил дело в их пользу. И цена победы бывает слишком высока... ЗАГАДОЧНЫЕ СМЕРТИ. Джеймс Марвуд, клерк на правительственной службе и сын государственного преступника, узнаёт, что его отец обнаружил тело некой женщины рядом с местом заседания Пожарного суда. Назавтра старик погибает, попав под повозку на оживленной улице. Несчастный случай? Или еще одно убийство?.. ПОГОНЯ ЗА УБИЙЦЕЙ. Преисполненный решимости раскрыть правду, Марвуд обращается к единственному человеку, которому может доверять, – это Кэт Ловетт, дочь цареубийцы, участвовавшего в заговоре против короля Карла I. Когда-то Марвуд спас ей жизнь, теперь пришла ее очередь помочь ему. Но все меняет смерть еще одной жертвы... Джеймс и Кэт вынуждены противостоять отчаявшемуся преступнику, чьи действия угрожают не только им самим, но и будущему всего Лондона...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-24855-7

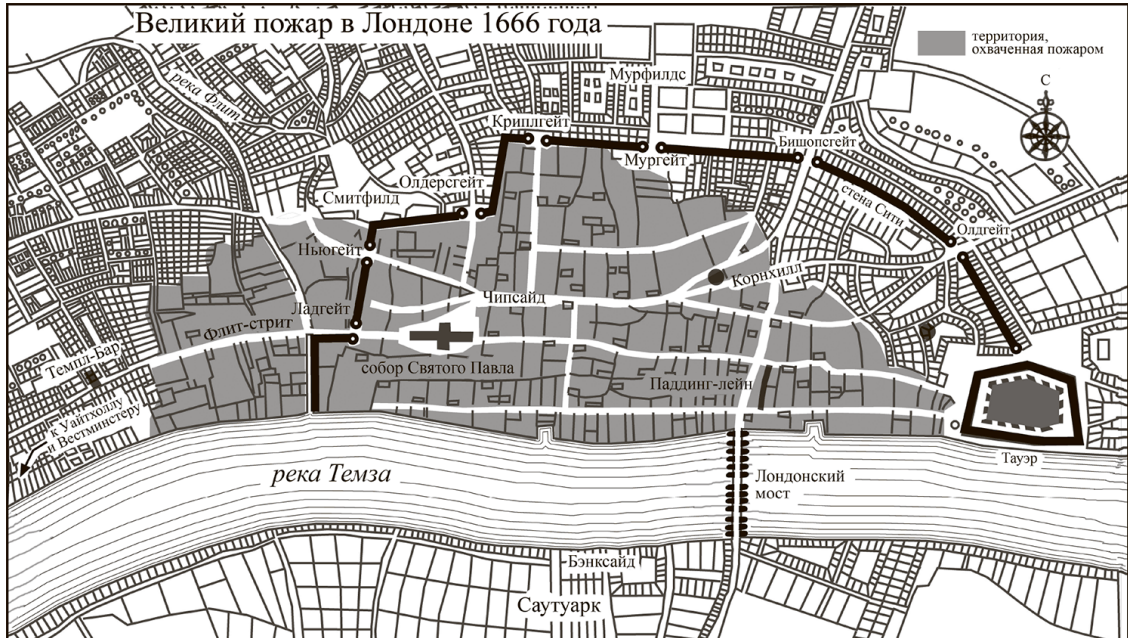
© Тейлор Э., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Действующие лица	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эндрю Тейлор Огненный суд

Посвящается Кэролайн

Действующие лица

Инфермари-клоуз, Савой

Джеймс Марвуд, секретарь Джозефа Уильямсона и Совета красного сукна
Натаниэль Марвуд, его отец, вдовец, был женат на Рэйчел; в прошлом печатник
Маргарет и Сэм Уизердин, их слуги

Чертежное бюро, Генриетта-стрит

Саймон Хэксби, маркшейдер и архитектор
Джейн Хэксби, его служанка, ранее известная как Кэтрин Ловетт
Бреннан, его чертежник

Клиффордс-инн и Пожарный суд

Люциус Громвель, антиквар
Теофилиус Челлинг, секретарь Пожарного суда
Сэр Томас Твизден, судья Пожарного суда
Мириам, служанка в Клиффордс-инн

Пэлл-Мэлл

Сэр Филип Лимбери
Джемайма, леди Лимбери, дочь сэра Джорджа Сайра
Мэри, ее горничная
Ричард, лакей сэра Филипа, также известный как Кислая Мина
Хестер, служанка

Уайтхолл

Джозеф Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона, государственного секретаря
Уильям Чиффинч, хранитель личных покоев короля

Другие действующие лица

Роджер Пултон, удалившийся от дел торговец тканями, арендатор участка в Драгон-Ярде
Элизабет Ли, его экономка
Селия Хэмпни, его племянница, вдова
Табита, горничная госпожи Хэмпни
Госпожа Гров, сдает квартиру госпоже Хэмпни на Линкольнс-Инн-Филдс
Барти, подметальщик перекрестка на Флит-стрит, у Темпл-Бар

Глава 1

«Рэйчел, вот ты где!» Она замешкалась в проходе, ведущем от Савойской лестницы к реке. На ней был длинный синий плащ поверх серого платья, которого он не помнил. В руке закрытая корзина. Она прошла через сад к арке в противоположном углу. Ее башмаки на толстой деревянной подошве стучали по вымощенной плитняком дорожке.

«Это моя Рэйчел, – подумал он. – Как всегда, неугомонная. Но почему она со мной не поздоровалась?» Когда-то он сказал ей: «Ты как река, любимая, – всегда в движении, но всегда та же, что и прежде».

Они сидели на берегу Темзы в Барнс-Вуд. Она распустила волосы, каштановые, но с золотистыми прядями, сиявшими на солнце.

Она походила на шлюху с этими роскошными распущенными волосами.

Его охватило отвращение. Потом он овладел собой. «Женские волосы возбуждают похотливые мысли, – увещевал он самого себя, – но разве это грешно, если женщина – твоя жена, соединенная с тобой перед Богом, плоть от плоти твоей, кость от кости твоей?»

Теперь сад опустел. Почему бы не пойти за ней? Это ведь его долг. Разве женщины не слабый пол?

Он оперся на трость, чтобы легче было встать. Слава богу, он был по-прежнему крепок и бодр, однако стоило посидеть неподвижно – и ноги становились будто деревянными.

Он направился к арке. Дорожка сворачивала направо, огибая один из старых больничных корпусов Савоя. Впереди, у ворот, ведущих на Стрэнд, мелькнула Рэйчел. Она остановилась, чтобы посмотреть на что-то – листок бумаги? – у нее в руке. А потом скрылась из виду.

Должно быть, она отправилась за покупками. Безобидное удовольствие, но только до тех пор, пока оно не порождает тщеславие – неискоренимый порок женщин. Они слабы, они грешны, вот потому-то Господь и поставил над ними мужчин – блюсти их и направлять на путь истинный.

Привратник в сторожке не обратил на него внимания. Мощеная дорожка вывела его на южную сторону Стрэнда. Поток телег и экипажей с ревом и грохотом двигался по проезжей части.

Он взглянул в сторону Чаринг-Кросс, полагая, что магазины Новой биржи привлекут ее, как мотылька пламя свечи. Ее нигде не было видно. Неужели он потерял ее из виду? Он посмотрел в другую сторону. Да вот же она, направляется к руинам, оставшимся от Сити.

Он помахал тростью.

– Рэйчел! – крикнул он. – Иди сюда!

Гам и конский топот на Стрэнде заглушили его слова.

Он последовал за ней. Скованность прошла; при ходьбе ноги набирали силу и темп. Рэйчел шла все дальше и дальше, мимо Сомерсет-хауса и Арундел-хауса, мимо церкви Святого Климента и Темпл-Бар, направляясь в сторону Флит-стрит и к Либертис в Сити.

Он не сводил глаз с ее плаща, ходьба усыпила разум, и он чуть не забыл, зачем он здесь. У Темпл-Бар Рэйчел замерла в нерешительности, глядя на проезжую часть с неспешными потоками повозок и лошадей. Она опустила взгляд на листок бумаги в руке. Расписная карета остановилась на противоположной стороне улицы. В этот миг груженная бочками подвода пивовара, едущая навстречу, встала рядом. Улица была перегорожена.

Рэйчел перешла дорогу, лавируя между повозками.

Работники пивовара разгружали подводу у таверны «Дьявол». Один бочонок сорвался и рухнул на проезжую часть. От удара бочарные доски на одной стороне разошлись. Пиво полилось на дорогу. Двое нищих с радостными воплями ринулись к растекающейся луже. Они припали к земле и стали лакать, как собаки. Движение полностью застопорилось, намертво

зажатые под тяжестью собственного веса телеги и повозки напирали друг на друга и давили со всех сторон.

«Это знак, – подумал он, – знак Господний. Он раздвинул эту транспортную реку для меня, как когда-то повелел расступиться водам Красного моря перед Моисеем и избранным народом».

Он перешел на другую сторону улицы, не отрывая глаз от плаща Рэйчел. Она повернула налево, в тень квадратной башни церкви Святого Дунстана на Западе.

«Зачем она меня дразнит? – Его терзало сомнение. – Неужели змий искушает ее? Неужели она поддалась уловкам дьявола?»

Переулок вел вдоль западной стены церкви к чугунной ограде с воротами в центре. Рядом стояла сторожка привратника, охранявшего проход в тесный двор. У входа в облицованное камнем здание с высокими стрельчатыми окнами толпились мужчины.

Рэйчел тоже была там. Она снова взглянула на листок бумаги в руке. Прошла внутрь. Он двинулся за ней, но толпа не давала пройти.

– С вашего позволения, господа, с вашего позволения! – крикнул он. – Прошу, господа, с вашего позволения!

– Эй, потише там! – шикнул упитанный клерк в черном. – Посторонитесь. Судьи идут.

Он непонимающе уставился на клерка:

– Какие судьи?

– Пожарного суда¹, разумеется. Судьи заседают сегодня.

Один за другим вошли трое джентльменов в сопровождении своих клерков и слуг. Их провели через арку.

Он протиснулся сквозь толпу и попал в проход, ведущий через другую арку во второй, больший по размеру двор неправильной формы. За ним виднелся сад – зеленый квадрат среди покрытых копотью зданий.

Не Рэйчел ли это там, в саду?

Он позвал ее по имени. Голос получился тонким и писклявым, какой бывает во сне. Она его не слышала, хотя двое мужчин в черных мантиях поглядели на него с любопытством.

Как смеет она пренебрегать им? Что это за место, где полно мужчин? Почему она не сказала, что идет сюда? Уж не собралась ли она, упаси Господи, ему изменить?

На втором этаже здания, справа от сада, у окна стоял высокий мужчина и смотрел вниз, во двор. Оконное стекло делало его похожим скорее на тень.

Рэйчел свернула к ближайшему входу в конце здания, справа от сада, рядом с домом, поврежденным пожаром.

У него участилось дыхание. Возникло странное чувство, что мужчина у окна видел Рэйчел, а может, и его самого.

Мужчина скрылся. Это любовник Рэйчел. Он ее ждал, и вот она пришла.

Он знал, в чем состоит его долг. Он прошел через двор ко входу в здание. Дверь была открыта. На стене под козырьком крыльца висела разноцветная доска. Белые буквы разбегались вкривь и вкось по черному фону:

XIV

6 Мистер Харрисон

5 Мистер Моран

4 Мистер Горвин

3 Мистер Громвель

---

¹ *Пожарный суд* — коллегия, созданная после Великого пожара 1666 года с целью предотвращения конфликтов между арендаторами и землевладельцами. На основании Акта о восстановлении суд решал, кто и на какие средства должен строить новый дом.

2 Мистер Друри

1 Мистер Бьюс

Сбитый с толку, он нахмурился. Сама по себе доска оскорбляла лучшие человеческие чувства и вызывала гнев Божий. Литеры различались по размеру, расстояние между ними было неодинаковым. В частности, фамилия мистера Громвеля была написана просто варварски. Было видно, что ее добавили позже, поверх другой. С литеры «л» потекла краска. Исполнитель вывески тщетно пытался стереть краску – видимо, пальцем, – но добился лишь того, что к ней прилипло какое-то дохлое мелкое насекомое.

«Пожалуй, – подумал он, роясь в кармане, позабыв ненадолго о Рэйчел, – можно было бы соскрести подтек лезвием перочинного ножа. Если бы только...»

Он услышал внутри какие-то звуки. Мужской голос. Потом другой голос, женский.

«Ах, Рэйчел, как ты могла?»

Он распахнул дверь и переступил порог. В маленьком холле было две двери, одна напротив другой. В задней части виднелась лестница.

Он прислушался. Ничего не слышно. Он заметил что-то блестящее на второй ступеньке лестницы. Он подошел ближе, чтобы рассмотреть получше.

Частичка влажной земли, на которую попал свет из раскрытой двери.

– Рэйчел? – позвал он.

В ответ тишина. Он представил, что она в спальне мужчины, с задранными юбками, и в нем пробудился свирепый зверь. Он яростно затряс головой, пытаясь прогнать гнусное видение.

Он поднялся по лестнице. На следующей площадке снова было две двери, одна напротив другой: под номером три направо и под номером четыре налево. Еще одна маленькая дверь была зажата между лестницей и задней частью площадки.

Номер три. Три – число чрезвычайной важности. Три двери и три христианские добродетели: вера, надежда и милосердие. Три врага человека: мир, плоть и дьявол. Мистер Громвель, кем бы он ни был, значился под номером три.

По Божьему замыслу все имеет смысл, ничто не случайно, все предопределено, даже насекомое, прилипшее к краске, указывает ему путь.

Он поднял щеколду. Дверь медленно подалась назад, открывая гостиную квадратной формы. Комната была залита предвечерним солнечным светом, и его заорожила красота освещения.

Окно к Богу...

Он моргнул, и красота превратилась в обычный солнечный свет, осветивший картину в резной позолоченной раме, которая висела над камином. Он глазел на картину, на женщин, изображенных на ней в такой нечестивой сцене, что у него перехватило дух. Он заставил себя отвести взгляд и стал рассматривать комнату: шкаф из потемневшего дуба; кресло и стулья; яркий ковер; стол, а на нем бумаги, вино, сладости и два бокала; кушетка со множеством бархатных подушек цвета весенней листвы.

А на кушетке...

Змий в животе изогнулся и вонзил в него свои зубы.

Что-то не сходится, что-то не так...

На кушетке, отвернув голову, лежала спящая женщина. Волосы распущены, темные локоны ниспадают на белую кожу. Шелковое платье задумано скорее показать, чем скрыть, ее грудь. Платье желтое с вкраплением красного.

Она скинула туфли, прежде чем уснуть, и они валялись у кушетки. Легкомысленные женские штучки с высокими каблуками и серебряными пряжками. Подол платья задрался, почти

обнажив колени и пену кружев. Одна рука беспечно покоилась на груди. На пальце кольцо с сапфиром.

Но это не Рэйчел. Ни капельки не похожа. Эта старше, тоньше, ниже ростом и не такая привлекательная.

Мысли закружились, как детский волчок. Вдруг его обуяло постыдное желание прикоснуться к груди женщины.

– Госпожа, – произнес он. – Госпожа? Вам нездоровится? – (Она не отвечала.) – Госпожа! – резко повторил он, злясь на себя и на нее оттого, что она ввела его в искушение. – Вы пьяны? Просыпайтесь.

Он подошел ближе и склонился над ней. Какая бесстыжая, порочная демонстрация плоти. Это дьявол сбивает людей с пути истинного. Он пялился на ее груди, не в силах оторвать глаз. Они оставались неподвижны. Эта женщина – как раскрашенная статуя в папистской церкви.

Конечно, у нее несуразное лицо. Рот открыт, видны зубы. Некоторые отсутствовали, остальные желтые. Мутные печальные глаза уставились на него.

«Господи», – подумал он, и на миг туман в его голове рассеялся, и он увидел перед собой жалкую грешницу, каковой она и была на самом деле.

«Отче милостивый, вот плоды греха моего и ее тоже. Господь наказал мою похоть и похоть этой бедной женщины. Благословен Господь в своей бесконечной мудрости».

А вдруг в этой падшей женщине еще теплится жизнь?

Разве Господь не желает, чтобы он заставил ее раскаяться?

Она была неестественно бледна. В уголке левого глаза бархатная мушка в форме кареты с лошадьми. Другая мушка в форме сердечка на щеке. Бедная тщеславная женщина украсила себя пудрами и мушками. И для чего? Заманить мужчин в свои грешные объятия.

Он склонился над ней и приложил ухо к левой стороне груди в надежде услышать или почувствовать биение сердца через платье и сорочку. Ничего. Он сдвинул пальцы. Сердцебиения не ощущалось. Он дотронулся до чего-то влажного и липкого. Запахло железом. Вспомнилась мясная лавка рядом с домом, где он раньше жил, на Патерностер-роу.

Опять какой-то звук? На лестничной площадке? На лестнице. Он отдернул руку. Пальцы были в крови. Как у мясника, когда тот зарезал свинью на пороге и кровь стекала в канаву – пиршество для мух. Почему так много крови? Кровь была на желтом платье: вот откуда вкрапления красного.

Слава Господу, она не Рэйчел. Он вздохнул и опустил веки ее невидящих глаз. Он знал, что делать, когда умирает человек. Когда Рэйчел испустила свой последний тяжкий вздох...

Манжет сорочки испачкался кровью. Он моргнул, потеряв мысль. Кровь была на рукаве. Они рассердятся, что он испачкал одежду.

Он взял со стола бумагу и старательно отер руку и манжет. Сунул бумагу в карман, чтобы потом выбросить, и медленно поднялся.

Рэйчел. Господи, как он мог о ней забыть? Может, она вышла, пока он отвлекся.

В спешке он наткнулся на кресло, и оно опрокинулось. На лестничной площадке он затворил за собой дверь. Спустился. Когда он вышел на солнечный свет, что-то щелкнуло у него в голове, и он вдруг вспомнил, что это за место: гнездовье законников, коих развелось не счесть за стенами Старого города. Так гнезда грачей растут гроздьями на деревьях в саду вокруг дома.

Законники. Исчадия дьявола. При помощи лжи и своей латыни они докажут, что белое – это черное, и посадят в тюрьму невинных богобоязненных людей. Это он знал на собственном горьком опыте.

В саду распевали птицы. Двор был полон людей, по преимуществу мужчин и по преимуществу в черных мантиях законников. Ему снова пришли на ум грачи, разговаривающие друг с другом. «Гаар-гаар, – прошептал он про себя. – Гаар-гаар».

Он побрел на одеревеневших ногах к главному зданию с высокими стрельчатыми окнами. Остановился в дверях и оглянулся. Поднял глаза на дом, из которого только что вышел. Человек-тень снова стоял у окна на втором этаже. Он вскинул руку, обращаясь к тени, отчасти обвиняя, отчасти торжествуя: вот перед вами возмездие за грех. Падайте на колени и кайтесь.

Тут он увидел Рэйчел. Она выходила из обугленного дома, пострадавшего в пожаре, рядом с лестницей XIV. Она натянула на голову капюшон, чтобы скрыть свой стыд. Она пытается спрятаться от него. Она пытается спрятаться от Бога.

– Гаар-гаар! – кричали грачи.

– Рэйчел, – произнес он, или ему это только показалось. – Рэйчел...

Мимо нее прошел законник и задел ее плечо. Капюшон съехал. К своему изумлению, он увидел, что женщина была вовсе не Рэйчел. У этой женщины была каинова печать на лице. Каин завидовал своему брату Авелю и убил его.

Это не Рэйчел. Его жена мертва, гниет в могиле, ждет среди червей второго пришествия Господа и вечного царствия Иисуса. И у Рэйчел никогда не было такой каиновой печати...

– Грешница! – закричал он, погрозив кулаком. – Грешница!

Яд змия действует и после смерти. Может, он ошибался в Рэйчел. Может, она тоже была шлюхой, как Ева, искусительница мужчин, и ей суждено вечно мучиться в адском пламени.

– Гаар-гаар! – кричали грачи. – Гаар-гаар!

Глава 2

Просто удивительно, как деньги в кармане и положение в обществе могут повлиять на самооценку мужчины.

И вот перед вами я, Джеймс Марвуд. Более холеный и более преуспевающий, чем полгода назад. Секретарь мистера Уильямсона, заместителя государственного секретаря – самого лорда Арлингтона. Секретарь Совета красного сукна, подчиняющегося департаменту камергера стула². Джеймс Марвуд – в общем и целом многообещающий малый, даже если только по собственной оценке.

В тот вечер, в четверг 2 мая, я отправился по воде от Тауэра, где выступал в качестве свидетеля по поручению мистера Уильямсона на допросе некоторых заключенных. Прилив был нам в помощь, хоть и начался недавно. Руины Сити лежали справа от меня: церкви без крыш, шаткие печные трубы, склады, от которых остались одни стены, кучи пепла. Но расстояние и солнечный свет придавали им странную красоту, расписывая райскими красками. Слева от меня, на стороне Суррея, простирался неповрежденный Саутуарк. Прямо передо мной на Лондонском мосту горделиво высились дома над водой, телеги и экипажи сновали между ними в одну и другую сторону.

Лодочник счел, что пока пройти под мостом для нас безопасно. Через несколько часов, когда прилив усилится, течение станет слишком бурным и опасным. Тем не менее он повез нас через один из самых широких пролетов. Какое облегчение добраться до открытой воды, отделившись всего лишь брызгами, попавшими на плащ.

Передо мной вновь открылся Лондон со все еще возвышающимся на холме почерневшим остовом собора Святого Павла. Со времени Великого пожара прошло восемь месяцев. Хотя улицы расчистили и руины обследовали, восстановление практически не началось.

Меня занимали мысли о предстоящем вечере – приятная перспектива ужина с двумя коллегами-клерками в вестминстерской таверне, где будет музыка и хорошенькая официантка, которая станет стоворчивой, если пообещать лоскут кружева или какую-нибудь другую мелочь. Однако до этого нужно вернуться домой переодеться и составить записку для мистера Уильямсона.

Я велел лодочнику высадить меня на Савойской пристани. Мое новое жилье находилось неподалеку. Я переехал менее трех недель назад из дома мистера Ньюкома, королевского печатника. Поскольку доход мой вырос, я заслуживал лучшего жилья и мог позволить себе оплатить его.

Во время последних войн в Савое размещали раненых. Теперь оживленное местечко у реки стало пристанищем для престарелых солдат и матросов, а также использовалось как частное жилье. Что касается последнего, оно пользовалось большим спросом после Пожара, так как любых мест для проживания по-прежнему не хватало. Все это было собственностью Короны, и мистер Уильямсон замолвил за меня словечко кому надо.

Инфермари-клоуз, мой новый дом, образовался в результате деления большого здания на четыре части. Мой дом был самым маленьким из четырех и самым дешевым. Его задняя часть выходила на погост Савойской часовни, что представляло собой небольшое неудобство, которое грозило стать большим, по мере того как погода будет теплеть. С другой стороны, в этом крылась причина низкой арендной платы.

---

² *Камергер стула* – придворный, помогающий монарху в удовлетворении его естественных потребностей. Эта должность была почетной. Именно камергер стула становился тем человеком, которому король доверял и с которым делился многими секретами.

Мое хорошее настроение сразу улетучилось, как только Маргарет открыла мне дверь. Лишь взглянув на нее, я понял, что случилось что-то неладное. Я передал ей свой намокший плащ.

– В чем дело?

– Мне жаль, хозяин, ваш отец выходил побродить сегодня. Я отлучилась всего-то на минутку – пришел отходник. И он все говорит и говорит, сэр. Какой-то поток слов, и ничего...

– Он в безопасности?

– В безопасности? Да, сэр. – Она набросила плащ на сундук и машинально разглаживала складки. – Он в гостиной у камина. Я оставила его во дворе на его любимой скамье. Солнце вышло, он уснул. И я подумала: если отлучусь на минутку, он...

– Когда это случилось? – перебил я ее.

Она закусила губу:

– Не знаю. С час назад. Мы не могли его найти. А потом он вернулся с заднего двора. Барти его привел.

– Кто?

– Барти, сэр. Подметальщик перекрестка у Темпл-Бар. Он знает, что ваш отец иногда блуждает.

Я понятия не имел, кто такой Барти, но взял себе на заметку, что нужно вознаградить его за труды.

– Сэр, – прошептала Маргарет. – Он плакал. Как дитя.

– Почему? Его кто-то обидел?

– Нет.

– Он что-нибудь говорил?

Маргарет потерла глаза тыльной стороной ладони.

– Рэйчел.

Меня словно ударили.

– Что?

– «Рэйчел», сэр. Вот что он сказал, когда пришел. И повторял снова и снова. Просто имя. Рэйчел. – Она уставилась на меня, теребя складки платья. – Кто такая Рэйчел, сэр? Вы знаете?

Я ничего ей не ответил. Конечно, я знал, кто такая Рэйчел. Это моя мать, умершая шесть лет назад, но мой отец не всегда это сознает.

Я прошел в гостиную. Старик сидел у очага, отправляя ложкой в рот содержимое миски с поссетом³. Маргарет, а может, кто-то другой расстелил большую салфетку у него на коленях. Но все же она была слишком мала, чтобы поймать все капли поссета, которые не попадали ему в рот. Он не поднял глаз, когда я вошел.

Во мне вспыхнул гнев, подожженный любовью и облегчением, самыми горячими составляющими этого топлива, разогревая кровь, как вино. Где мой отец в этом сломленном человеческом существе? Где Натаниэль Марвуд, человек, который властно правил семьей и своим бизнесом, будто был наместником Господа, и который снискал уважение всех своих друзей? Когда-то он был печатником, не хуже других на Патерностер-роу, солидным человеком. Политика и религия вели его опасными путями к гибели. Но никто не сомневался в его честности и мастерстве. Теперь, после долгих лет тюрьмы, его было не узнать.

Ложка заскребла по дну пустой миски. Я взял у него из рук миску, встретив лишь легкое сопротивление, потом ложку. Поставил их на стол и задумался, стоит ли убирать запачканную салфетку. Поразмыслив, решил, что разумнее предоставить это Маргарет.

---

³ *Поссет* – горячий напиток из молока, створоженного вином или элем, часто с пряностями.

Еда и непривычная дневная прогулка утомили его. Глаза закрылись. Руки покоились на коленях. Правая рука была в саже. Манжет сорочки выглядывал из-под рукава камзола. Изнанка манжета была испачкана чем-то красно-коричневым, похожим на лежалое мясо.

Мой гнев улетучился. Я наклонился и приподнял манжет. На запястье и кисти никаких следов пореза или ссадины.

Я легонько его потряс.

– Сэр? Маргарет говорит, вы сегодня днем путешествовали. Зачем?

В ответ раздалось только похрапывание.

Четыре часа спустя, когда пришло время ужина, поссет остался лишь воспоминанием, и мой отец снова проголодался. От голода у него случилось короткое просветление ума или что-то в этом роде, если в его состоянии такое вообще было возможно.

– Вы выходили, сэр? – спросил я мягко, потому что он огорчился, когда я разговаривал с ним грубо. – Вы знаете, что Маргарет волнуется, когда не может вас найти.

– Рэйчел. – Он смотрел на огонь, и одному Богу было известно, что он там видел. – Я не позволю своей жене расхаживать по городу, не зная, куда она идет. Разве она не обещала во всем меня слушаться? И на ней был ее лучший плащ, выходной. Как он ей идет... – Он нахмурился. – Может, даже слишком идет. Дьявол расставляет свои ловушки так хитро. Я должен с ней поговорить, обязательно должен. Почему у нее каинова печать? Я узнаю всю правду.

– Рэйчел? Моя мама?

Он взглянул на меня.

– А кто же еще? – Когда он произносил эти слова, у него был озадаченный вид. – Но ты тогда еще не родился. Ты был у нее в утробе.

– Но теперь, сэр, я перед вами, – сказал я, будто то, что мой отец пребывал в двух мирах и путал сейчас и тогда, было совершенно естественно. – Куда направилась моя мать?

– Туда, где законники собираются. Эти выкормыши дьявола.

– Куда именно?

Юристы собирались в разных местах.

Он улыбнулся и сказал:

– Видел бы ты ее, Джеймс... Как она двигается! Она любит танцевать, хотя, конечно, я ей этого не позволяю. Негоже это замужней женщине. Но как она грациозна, Джеймс, даже у себя на кухне. Знаешь, она грациозна, как лань.

– Что это были за юристы, сэр?

– Ты замечал, как законники похожи на грачей? Они держатся друг дружки и кричат: «Гаар-гаар!» Все выглядят одинаково. И все отправляются в ад после смерти. Ты знал об этом? И это еще не все...

– Рэйчел, сэр. Куда она пошла?

– Куда-куда? Прямоком в сердце гнездовья. Там, во дворе, эти порочные птицы собрались, как в парламенте. Я следовал за ней и видел, как она шла по саду, а потом вошла в здание из кирпича... Знаешь, Джеймс, там литеры в одном имени были так неумело выведены краской, да еще и криво. Образовалась здоровенная клякса, в которой утонула бедная тварь. Я мог бы соскрести краску, но времени не было.

– Тварь?..

– Даже муравьи – Божьи твари, разве нет? Господь перенес пару в ковчег – значит, считал, что их нужно спасти от потопа. Ох...

Отец замолчал, когда в комнату вошла Маргарет с хлебом. Она накрывала стол к ужину. Он следил за ней взглядом.

– А потом, сэр? – спросил я. – Куда она пошла?

– Я думал, что найду ее в комнате с муравьем. Вверх по лестнице. – Он говорил рассеянно, по-прежнему не сводя глаз с Маргарет. – Но ее там не оказалось. Никого там не было, одна только женщина на кушетке. Бедная, никому не нужная блудница. Поплатилась за грехи свои и понесла за них наказание.

Левой рукой он теребил запачканный манжет сорочки. Потер затвердевшую ткань, где засохла кровь.

Маргарет вышла из комнаты.

– Кто была эта женщина? – спросил я.

– Не Рэйчел, слава Всевышнему, нет-нет. – Он нахмурился. – Какая непристойно роскошная комната... Там на полу лежал ковер, такой яркий, что глаза режет. А над камином висела картина... Такая непотребная, сущее оскорбление в глазах Бога и человека.

– А женщина, сэр? – Я понимал, что он описывает один из своих кошмаров. Но главное, чтобы он сейчас успокоился и не кричал, проснувшись среди ночи, и не будил домочадцев. – Женщина на кушетке, я имею в виду. Она что там делала?

– Она была грешница, бедная глупышка. Выставила себя как распутницу всему свету напоказ. Разодетая в пух и прах. Платье желтое, как солнце, красное, как огонь. Еще там была карета с лошадьми. О, тщеславие, тщеславие... И все ничемно. Я ей глаза закрыл. Что еще я мог для нее сделать?

Шаги Маргарет слышались все ближе и ближе.

Лицо отца изменилось. Теперь оно не выражало ничего, кроме жадности. Он повернул голову к двери. На пороге появилась Маргарет с блюдом в руках.

– Садись за стол, Джеймс, – сказала она. – Ужин подан. Разве не видишь?

В тот день ничего больше мне от отца узнать не удалось. По опыту я знал, что после ужина с ним говорить бесполезно, по крайней мере, если ждешь осмысленных ответов. К тому же я не был убежден, что можно еще что-нибудь выяснить. Да и к чему? Память отца работала непредсказуемо, и он в его нынешнем состоянии мог скорее вспомнить события далекого прошлого, чем то, что случилось недавно. Если он вообще что-то помнил. Большую часть времени он витал в облаках.

– Зайди позже ко мне в спальню, – пробормотал он, закончив есть. – Мы должны помолиться вместе, сын мой.

– Может быть, сэр. – На него было неприятно смотреть. Из уголка рта стекала слюна, а камзол был усыпан крошками. Он был моим отцом. Я любил его и почитал. Но иногда его вид вызывал отвращение. – У меня дела.

Мыслями я был далеко. Быть может, часть моих планов на вечер осуществима. Я под считал, что, если возьму лодку на Савойской пристани, смогу еще застать своих друзей в таверне. А если повезет, и хорошенькую официантку тоже.

Соответственно, после ужина я оставил отца на попечение Маргарет. Мое благосостояние позволяло теперь держать двух слуг – Маргарет Уизердин и ее мужа Сэмюэля, бывшего матроса, который лишился части ноги, сражаясь за свою страну с голландцами. Сэмюэль впал в нищету, влез в долги, отчасти потому, что родная страна не смогла выплатить то, что ему причиталось. Как бы то ни было, он оказал мне большую услугу, а я оплатил его долги. В свою очередь, я верил, что Сэм и Маргарет служат нам с отцом из личной преданности, а не только за хлеб, кров и небольшое жалованье.

Все это меня устраивало. С Божьей помощью такое положение позволяло мне иметь хорошее мнение о себе. Я был самодоволен, как кот, который залез в кладовку и съел и вылакал все припасы. И, как тот кот, который потом сидит на солнышке и вылизывает усы, я полагал, что так будет длиться вечно.

Так что в тот день я не видел отца после ужина. Иногда я заглядывал к нему в комнату, когда он отходил ко сну, даже если возвращался поздно. Но не в тот вечер. Я не признавался себе, что злюсь на него. Из-за его сумасбродства я был вынужден отказаться от своих планов на вечер на реке. Хуже того, когда я добрался до таверны, мои приятели уже ушли, а хорошенькая барменша, как оказалось, вышла замуж и уволилась. Поэтому Маргарет, должно быть, укладывала его в постель, слушала его сбивчивое бормотание, которое ему казалось молитвами, и задувала свечу в комнате. Должно быть, она сидела рядом в темноте, держа его за руку, пока он не заснул. Я знал наперед, как будет, потому, что она всегда так делала. Я также знал, что отец предпочел бы, чтобы на ее месте был сын, когда он молился, и чтобы сын, его кровь и плоть, держал его за руку, а не служанка.

На следующее утро я решил отправиться в контору раньше, чем обычно. Мистер Уильямсон хотел получить записи с допроса в Тауэре как можно скорее. Помимо того, я запаздывал с переписыванием его корреспонденции в книгу писем. При этом мои обычные обязанности в «Газетт» тоже никуда не делись. Дел навалилась куча. «Лондон газетт», правительственная газета, выходящая дважды в неделю, которую печатал мистер Ньюком здесь же, в Савое, была еще одним детищем мистера Уильямсона, и он передал мне большую часть повседневных обязанностей по ведению дел.

Отец уже проснулся. Он был у себя в комнате, Маргарет помогала ему одеться. Выходя из гостиной, я услышал его голос, низкий и звучный, раскаты которого были слышны издали. Как и его тело, голос принадлежал более здоровому, сильному мужчине, у которого было все еще в порядке с головой. Я убедил себя, что нет времени пожелать ему доброго утра перед уходом.

Я не вспоминал об отце до тех пор, пока после обеда в Уайтхолл не явился мой слуга Сэмюэл Уизердин и не вошел без стука в кабинет мистера Уильямсона. Сэм был крепким мужчиной с обветренным лицом и ярко-голубыми глазами, в данный момент с набухшими веками. Вместо правой ноги ниже колена у него была деревяшка, и он опирался на костыль.

Что-то стряслось. Неслыханное дело – явиться в контору без вызова. Я решил, что опухшие глаза были следствием чрезмерных вечерних возлияний. Я ошибался.

Глава 3

Дверь отворилась.

– Госпожа?

Утром в пятницу в постели в своем новом доме на северной стороне Пэлл-Мэлл лежала женщина. Она цеплялась за остатки сна, обволакивающего ее, как морские водоросли. «Погрузи меня в сон, – думала она, – на шесть саженей в глубину, и пусть рыбы растерзают меня на миллион частей».

Дверь закрылась и мягко защелкнулась. Послышались шаги – легкие, быстрые и знакомые.

– Вы проснулись?

«Нет, – подумала Джемайма, – не проснулась». Она противилась приходу в сознание, как могла. Прийти в сознание значило вспомнить.

Ей снился Сайр-плейс, где она выросла. Странно, она знала, что это Сайр-плейс, хотя он совсем не был похож на настоящий дом. Настоящий Сайр-плейс был выстроен из кирпича красно-коричневого цвета, цвета яблок, которые так нравились отцу. В детстве она думала, что дом специально построили под цвет яблок, что это само собой разумелось и было правильно и что этот закон распространялся на все остальное.

Сайр-плейс в ее снах был совсем неправильным. Для начала, он был облицован камнем и выстроен в новом стиле, как нравилось Филипу. (Филип? Филип? Она старательно избегала думать о Филипе.) Итак, это был дом в новом стиле – аккуратная коробочка, и все в нем было опрятно и чисто, внутри и снаружи, а выступающий навес крыши создавал впечатление, будто на дом надета шляпа.

– Миледи? Миледи?

В настоящем Сайр-плейс был парк, где охотился отец, пока не потерял благодушие и ему не отказали ноги. Если идти по тропинке, попадешь на ферму – ее запахи и звуки были частью повседневной жизни с утра до вечера. В этом же Сайр-плейс никакого парка не было, и фермы тоже. Вместо них был сад с дорожками, посыпанными гравием, с партерами и кустарниками, расположенными симметрично, как и все в доме. Но когда она взгляделась, оказалось, что сад в ее сне вовсе не был опрятным: сорняки заволокли все пространство, колючие кусты загораживали дорожки и свешивались над головой в виде арки.

Повсюду заросли крапивы, чьи листья изо всех сил стремились ее ужалить. Брат толкнул ее в крапиву, когда она едва научилась ходить, и она до сих пор помнит, как ей было нестерпимо больно и обидно. «Как странно и противоестественно, – подумала она, – что растение может быть таким злобным и враждебным. Господь сотворил растения и животных, чтобы они служили человеку, а не нападали на него».

Природа была неестественной. Она была полна чудовищных каверз. Возможно, это проделки дьявола, а не замысел Создателя.

– Просыпайтесь, мадам. Уже двенадцатый час.

Время? Какое время года сейчас? В саду в Сайр-плейс на гравиевых дорожках ковром лежали подгнившие плоды. Коричневые яблоки и груши, желтая малина, красная земляника, зеленые сливы – словно все поспели в одно время. Этот ковер был таким толстым, что не было видно гравия. Запах гниения стоял повсюду. Джемайма приподняла юбки. «Господи, что на мне надето? Одна сорочка?» Она была на улице средь бела дня – кто угодно мог ее увидеть. Сочные плоды лопались и липли к сорочке, оставляя брызги на голых ногах.

Были там и осы, как ей виделось, толстобрюхие твари, кружившие низко над землей и питавшиеся гнилью. Что, если такая залетит ей под сорочку и ужалит в самое интимное место?

Она вскрикнула от страха.

– Ш-ш-ш, – прошептала Мэри, склонившись над ней. – Все в порядке. Пора просыпаться.

«Нет, нет, нет, – подумала Джемайма. – Несмотря на ос, несмотря на все остальное, лучше не просыпаться». Она зажмурилась, чтобы защититься от дневного света. Она желала остаться навечно в Сайр-плейс, где, как ей казалось, она когда-то была счастлива.

Что такое счастье? Нежиться на руках у няни, когда та пела. Сидеть рядом с братом Генри, когда он – в виде огромного снисхождения – учил ее читать по азбуке. Или еще лучше: когда он усадил ее перед собой на спину новой каурой кобылы так высоко, что ей пришлось зажмуриться, чтобы не видеть земли.

– Я тебя уроню, Джемайма, – сказал брат, еще крепче обнимая ее. – Твой череп расколется, как яичная скорлупа.

Как же было изумительно сладко-страшно.

Кто-то невидимый позвал ее по имени.

«Нет. Нет. Спи», – велела она себе: глубже, глубже в сон, в темную пучину, где никто ее не увидит. Туда, где еще не было получено то роковое письмо, до Пожарного суда, когда она даже не знала, где находится Клиффордс-инн.

Что-то жужжало. Должно быть, оса. Она застонала от страха.

Потом оглушительно брякнули раздвигаемые шторы, чего она совсем не ожидала, и на нее хлынул поток яркого света. Полог кровати откинули, словно на нее вылили ушат света. Она зажмурилась, но свет снаружи стал розовым и слепил ее. Повеяло прохладой, которая принесла с собой запахи сада.

«Закрой шторы, дура, – хотелось ей сказать, – не надо света». Но голос ее не слушался.

Она знала, что лежит на спине в своей постели, в своей спальне. Если открыть глаза, она увидит шелковый полог над головой, вышитый серебряными и синими нитями. Постель устлана летним бельем. Ткань зимнего полога и постельного белья значительно тяжелее и расшита по преимуществу красными и желтыми нитями – цвета огня. Шторы были ее собственными – часть приданого. Почти все тут было ее. Все, кроме Драгон-Ярда.

Она не хотела ничего этого знать. Она хотела спать в темноте, где-нибудь далеко и глубоко, где нет сновидений и знания.

– Господин идет, – послышался голос. Женский. Голос ее служанки. Мэри.

Оса. Жужжит. Почему она не улетает?

– Он будет здесь с минуты на минуту. Я не могу его задержать.

У ее брата Генри был жилет, похожий на осу, черно-желтый. «Интересно, – подумала Джемайма, – что с ним случилось. Может, сгорел во время Пожара. Или покоится где-то глубоко-глубоко в темноте, как и сам Генри. Все, что оставили от него рыбы». Филип и Генри служили вместе на флоте во время войн с голландцами. Так она познакомилась с будущим мужем, другом брата.

Снова брякнула щеколда, на этот раз оглушительно громко. Жужжание прекратилось.

– Она еще не проснулась?

Голос Филипа до боли знакомый и ужасающе чужой.

– Нет, господин.

– Ей уже давно пора проснуться. Разве нет?

– Кому как.

Тяжелые шаги приближались к постели, к ней. Теперь она ощущала запах Филипа. Запах пота, легкий аромат духов, которыми он изредка пользовался, слабый перегар от вина, которое он пил накануне вечером.

– Мадам, – сказал он. Потом громче: – Мадам?

Голос почему-то заставлял ее откликнуться. Тело подчинялось само по себе, помимо ее воли или желания. Она знала, что нужно продолжать дышать ровно и не подавать признаков

того, что уже не спит. Она сдерживала себя. На самом деле ей хотелось кричать, вопить, выть от боли и гнева.

– Тише, сэр. Лучше ее не беспокоить.

– Придержи язык, женщина, – рявкнул он. – Она бледна, как привидение. Я пошлю за доктором.

Снова жужжание. То ближе, то дальше. То туда, то обратно. Она сосредоточилась на этом звуке. Чтобы отвлечься. Она надеялась, что это не оса.

– Она всегда бледная, сэр, – сказала Мэри почти шепотом. – Вы сами знаете.

– Но она спала так долго.

– Сон – лучшее лекарство. Никакой врач не вылечит ее быстрее. С ней всегда так. Я утром сходила к аптекарю и купила еще один пузырек на случай, если ей понадобится снадобье сегодня вечером.

– Ты оставила ее одну? В таком состоянии?

– Нет, господин. С ней была Хестер. В любом случае я быстро обернулась.

– Черт поberi эту муху, – пробормотал Филип, переключив свое раздражение на другой объект.

Жужжание внезапно прекратилось. Послышался шлепок, а затем приглушенное ругательство.

– Тише, сэр, – сказала Мэри. – Вы ее разбудите.

– Попридержи язык. Не то я выставлю тебя на улицу в одной сорочке, чтобы прикрыть наготу. Она ничего не говорила?

– Нет, сэр. Ни слова.

– Встань там. У двери.

Тяжелые шаги приблизились. Она не размыкала глаз. Почувствовала его дыхание и поняла, что он, должно быть, склонился над кроватью, приблизил свое лицо к ее лицу.

– Джемайма. – Он говорил шепотом, дышал ей в щеку. – Ты слышишь меня? – Не услышав ничего в ответ, он не унялся. – Где ты была вчера днем? Куда ты ходила? – Филип выждал пару секунд. Она слышала, как он дышит и как скрипнула половица у двери, где, очевидно, стояла Мэри. – Что тебя так огорчило? – спросил он. – Что ты видела? – Спустя несколько секунд он вздохнул с раздражением и отошел от постели. – Мэри? Ты вправду ничего не знаешь?

– Нет, сэр. Я уже говорила. Она оставила меня в экипаже.

– Я буду тебя пороть, пока не скажешь правду.

– Это правда.

Звякнула дверная щеколда.

– Пошли за мной, как только твоя госпожа проснется. Ты меня поняла?

– Да, сэр.

– И пусть она ни с кем не разговаривает, пока я не приду. Ни с Хестер, ни с кем-либо еще. Даже с тобой. Ясно?

– Да, сэр.

Дверь закрылась. Башмаки застучали вниз по ступеням.

Она слышала, как Мэри двигается по комнате и как жужжит муха.

– Я думала, он никогда не уйдет, – промолвила она.

Джемайма провела субботу и воскресенье в постели. Мэри за ней ухаживала. Мэри была ее горничной. Она приехала с ней из Сайр-плейс. Ее отец был фермером-арендатором в поместье отца Джемаймы, и у него было слишком много дочерей. Сэр Джордж поручил Мэри заботиться о ее госпоже, когда та вышла замуж за Филипа, и слушаться во всем ее, а не Филипа. Иногда Мэри даже ночевала в ее спальне, когда Филип не приходил, особенно зимой.

Когда Мэри было некогда, она посылала вместо себя Хестер. Та была неопытной девушкой, только что из деревни. Когда ей надо было что-нибудь сказать хозяйке, ее лицо заливалось пунцовым румянцем. Она так же краснела, когда господин был в комнате, но он никогда с ней не говорил.

– Миледи – сказала Мэри утром в понедельник. – Нужно сменить простыни.

Джемайма открыла глаза и увидела, что Мэри склонилась над ней с кипой постельного белья в руках. Она позволила помочь ей выбраться из постели и быть усаженной в кресло у окна. Спальня располагалась в тыльной части дома. Деревья в конце сада скрывали кирпичную стену за ними и поля, простирающиеся вплоть до Пикадилли.

Окно было открыто, и в комнату доносился топот копыт, иногда слышались отдаленные голоса. Деревья почти загораживали вид, но время от времени сквозь листву мелькали краски или струйки дыма, поднимавшиеся в пустое небо и растворявшиеся в райской синеве.

«Если после смерти попадешь в рай, – подумала Джемайма, – как было бы беспредельно скучно, если бы там не оказалось ничего, кроме синевы и бесконечной пустоты. Лучше уж вовсе не быть. Какое богохульство...»

Пока она так сидела, к ней зашел Филип.

– Мадам, – сказал он, кланяясь, – я рад, что вы наконец-то встали с постели.

Он взглянул на служанок, которые были заняты своим делом и старались быть как можно незаметнее, как и полагается слугам.

– Мэри говорит, вы ничего не помните о своем недуге.

– Не помню, сэр. – Они с Мэри договорились, что так будет разумнее. Лучше не торопить события. – У меня болела голова, когда я проснулась.

– Доктор назвал это внезапным воспалением мозга. Благодаря его лечению оно прошло, как апрельский дождик. Вы помните, как все случилось?

– Нет. Совершенно ничего не помню до того, как проснулась у себя в постели.

– Вы с Мэри поехали кататься в экипаже, – медленно начал он, будто давал урок ребенку. – Отобедав, в четверг. Помните?

– Нет.

– Лихорадка началась внезапно. Когда Мэри привезла вас домой, вы были без чувств или почти без чувств.

– Ничего не помню, – сказала она, хотя все важное помнила. Она помнила каждый дюйм пути до Клиффордс-инн, каждую ступеньку лестницы XIV. Однако пока лучше делать вид, что она все забыла.

Филип тронул ее за руку:

– Доктор говорит, что иногда больных мучают сны, когда лихорадка в самом разгаре, и они верят во всякие выдумки. Но, хвала Господу, все позади.

– Мне гораздо лучше, сэр, – сказала она. – Я чувствую себя отдохнувшей.

– Хорошо. В таком случае вы присоединитесь ко мне за ужином?

– Не думаю. Я перекушу здесь.

Джемайма наблюдала за ним, но выражение его лица было непроницаемым. Ее муж был высоким, стройным и смуглым, как сам король. Он не был красив, но обычно ей было приятно смотреть на его лицо, потому что это было его лицо. Теперь его лицо стало просто набором черт – рядом впадин, выступов, плоскостей, текстур и цветов. Он был незнакомцем.

Знакомый незнакомец. Коварный незнакомец. Самый худший из незнакомцев.

– Тогда завтра, – сказал он, улынувшись. – В обед. Кстати, у нас будут гости, пара юристов. Один из них сэр Томас Твизден, судья.

Ей показалось, что он говорит более осмотрительно, чем обычно, чеканя слова, словно придавая им особый смысл. Он сделал паузу, всего на секунду, но она знала, что и это должно что-то означать. Ему было известно, что она не любила, когда к ним в дом кто-то приходил.

Служанки закончили стелить постель. Хестер вышла из комнаты с кипой грязного постельного белья. Мэри осталась прибираться на туалетном столике.

– И еще я пригласил на обед Люциуса Громвеля, – сказал Филип.

Джемайма задержала дыхание, надеясь, что он этого не заметит. Только не Громвель. Не этот ушлый выродок дьявола, будь он трижды проклят. Как они смеют? Она опустила глаза. Она чувствовала, что он смотрит на нее, оценивая, какое впечатление на нее произведет имя Громвеля. Боковым зрением она также отметила, что Мэри перестала переставлять баночки и пузырьки на туалетном столике.

– Было бы мило с твоей стороны, если бы ты села с нами за стол, – продолжил он. – И проследи, чтобы к столу подали что-нибудь приличное. В конце концов, мы ведь должны постараться угодить сэру Томасу. Нам ведь нужно заслужить его расположение, не так ли?

В конце фразы его голос стал резким, и она подняла глаза. «Он хочет, чтобы я слушалась его команд, как охотничья собака».

– Так, сэр, – сказала она.

– Он судья в Пожарном суде, – напомнил ей Филип. – Он рассматривает дело о Драгон-Ярде.

Он улыбнулся и направился к двери. Взялся за щеколду и остановился.

– Кстати, Люциус пишет книгу. Он так увлечен. Книга называется «Природные достопримечательности Глостершира», в ней будет много иллюстраций и карт. Так что печать будет стоить уйму денег. Я пообещал, что оплачу публикацию, он уверяет, что книга принесет мне немалую прибыль, когда издание раскупят. Помимо того, мое имя будет увековечено в памяти потомков. – «Громвель, – подумала она. – Ненавижу его». – Ты ведь помнишь его? Мой давний товарищ по школе и по Оксфорду.

Она кивнула. «Громвель увидит меня завтра и будет знать о моем позоре, – подумала она. – А я увижу его и буду знать, что он знает. Это он все устроил. Ничего этого не случилось бы без него. Громвель, человек, который посмел встать у меня на пути в Клиффордс-инн».

– Эх, бедняга Люциус. – Ее муж приподнял щеколду и рассмеялся, казалось, вполне искренно. – Сомневаюсь, что он когда-нибудь закончит эту книгу. Он человек одаренный, но никогда ничего не доводит до конца. Он и в школе был таким и ничуть не изменился.

Глава 4

Моего отца на Флит-стрит сбила телега, груженная обломками разрушенного собора Святого Павла. Груз сломал ему позвоночник, и он умер мгновенно. Каким-то чудом его не разорвало пополам.

Инфермари-клоуз заполнили плачущие женщины. Маргарет внушила себе, что повинна в его смерти, поскольку оставила его одного в гостиной, пока готовила обед, полагая, что он уже не способен справиться с замками и задвижками входной двери. Соседские служанки плакали из сочувствия. Пришла прачка забрать белье в стирку и тоже стала плакать, поскольку слезы заразительны, а смерть пугает.

После того как Сэм привез меня домой в наемном экипаже, он отправился на задний двор колоть дрова и колол их так, словно имел дело с врагами. Он разделялся с ними один за другим, без спешки и с удовлетворением.

Что же касается меня, я пошел в комнату отца и сел подле него, как следовало сделать накануне вечером. Он лежал с закрытыми глазами, руки были сложены на груди. Кто-то прикрыл огромную рану простыней и подвязал ему челюсть. Его лицо не пострадало. Иногда покойники выглядят умиротворенно. Но не он.

Молиться я не мог. И я не плакал. Его неодобрение придавило меня своим грузом: я отклонился от праведного пути, предписанного им для меня, и теперь уже ничего нельзя было исправить. Но ничто не шло в сравнение с чувством стыда, которое я испытывал, вспоминая, как вел себя с ним и что чувствовал по отношению к нему в эти последние месяцы, когда он стал беззащитен, как ребенок.

Что-то сместилось внутри меня, подобно тому как землетрясение сотрясает твердую землю и скалы, вызывая наводнения и оставляя разрушения. Мир никогда не будет прежним.

И тут я вспомнил о Кэтрин Ловетт. Это была молодая женщина со странным и независимым складом ума. Во время Пожара я оказал ей услугу, но с тех пор мы не виделись. Она жила в уединении под вымышленным именем. Так уж вышло, что я был с ней рядом, когда умер ее отец, и видел, что она тогда сделала. Она взяла его руку и поднесла к своим губам.

Я взглянул на руку отца. Плоть, кожа и кость. Пальцы узловатые, как корни. Ногти пожелтели и слишком отросли. Смерть сделала его руку незнакомой и неузнаваемой.

Я взял руку и поцеловал. Удивился, какая она тяжелая. Покойники тяжелее, чем живые.

– Я искренне сожалею о вашей утрате, – сказал мистер Уильямсон на следующее утро.

Я поблагодарил его и попросил отпуск, чтобы похоронить отца и привести в порядок его дела.

– Разумеется. – Уильямсон отвернулся и занялся бумагами у себя на столе. – Где вы хотите его упокоить?

– В Банхилл-Филдс, сэр.

Уильямсон крикнул.

– Не на англиканском кладбище?

– Не думаю. Он бы этого не захотел.

Банхилл-Филдс было кладбищем, где покоились диссентеры⁴, к которым принадлежал отец. Уильямсон вернулся к чтению писем, время от времени делая на них пометки. Мы были одни в конторе Скотленд-Ярда, которая находилась в нескольких шагах к северу от дворца

---

⁴ *Диссентеры* (от *лат.* *dissentio* – не соглашаюсь) – в Англии одно из наименований протестантов, отклонявшихся от официально принятого вероисповедания.

Уайтхолл. Уильямсон занимал две конторы: одну поблизости от лорда Арлингтона и эту, которую он использовал для «Газетт» и других более конфиденциальных дел.

Через несколько минут он заговорил снова, и его голос стал более резким, чем ранее. В нем слышался северный акцент, что часто являлось признаком раздражения.

– Вы должны заботиться о живых, Марвуд, а не только о мертвых.

– Да, сэр.

– Вы ведь не хотите ничего такого, что могло бы бросить тень на нашу контору. Вот и я не хочу.

Я склонил голову. Я знал, что хотел сказать Уильямсон. До того как мой отец, Натаниэль Марвуд, выжил из ума, он был «пятым монархистом»⁵. В результате своей преданности этой опасной секте он был заключен в тюрьму за государственную измену. Он считал, что англиканская церковь была не многим лучше Римской церкви с ее папистскими порядками и подлыми заговорами против честных людей. Он ненавидел всех королей, кроме короля Иисуса, чьего прихода истово ждал.

– Если уж на то пошло, – сказал Уильямсон, мрачно глядя на меня, – вы сами не хотели бы лежать в Банхилл-Филдс, когда придет ваше время. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Разумеется, не хотел бы, сэр.

Теперь, находясь на службе у короля, я взял за правило тщательно обдумывать все, что делал и говорил, и старался быть осмотрительным в своих связях. Все должны были знать, что я хожу в церковь регулярно, что причащаюсь в положенное время в соответствии с обрядами государственной церкви и указаниями ее епископов. Однако существовала опасность, что меня могут счесть виновным из-за отца, по кровному родству.

– Так вы измените свое решение, Марвуд? Не сомневаюсь, ваш отец желал бы, чтобы вы думали о собственных интересах, когда произошло столько перемен.

– Да, сэр. Но я должен подумать и о его интересах.

Уильямсон рассмеялся – отрывисто, резко и безрадостно. Его смех больше походил на собачий лай.

– А вы упрямы в своем сумасбродстве. – Он склонился над бумагами. – Яблочко от яблони недалеко падает, как говорят.

Станным образом эти его последние слова успокоили меня как ничто другое.

Два дня спустя, в понедельник, мы опустили Натаниэля Марвуда в могилу. Медлить не было причины – смерть наступила в результате несчастного случая. Старый человек легко мог оступиться на переполненной мостовой и попасть под телегу. Всем было известно, что он не был крепок умом, в отличие от тела, и, возможно, даже не понимал, где находится. Такие несчастные случаи происходят каждый день.

Мы отвезли тело в Банхилл-Филдс. Кроме священника, носильщиков и могильщиков, единственными скорбящими были Сэм и я. Маргарет, как женщине, присутствовать было запрещено, что несправедливо, так как ее скорбь была по-своему глубже и искреннее, чем моя. Она все еще плакала по моему отцу чуть что, несмотря на то что живой он был для нее обузой.

После погребения мы с Сэмом взяли экипаж и поехали вдоль стен разрушенного города, представлявшего собой пустыню с черными печными трубами, церквями без крыш и намокшими пепелищами. Я велел вознице высадить нас на Флит-стрит. Мы пошли в большую таверну «Дьявол», расположенную между Темпл-Бар и Мидл-Темпл-гейт, где Сэм набил себе живот до отказа, а я быстро и нещадно напился.

---

⁵ «Пятый монархист» – представитель религиозной секты, целью которой было приблизить восшествие на престол короля Иисуса. «Пятые монархисты» были врагами династии Стюартов и считались государственными преступниками.

Память – странная вещь, переменчивая, и обманчивая, и коварная, как вода. Мои воспоминания об остатке того дня похожи на битое стекло – беспорядочные, в основном бессмысленные и с острыми краями, о которые можно порезаться. Но я отлично помню один отрывок нашего разговора, отчасти потому, что он состоялся в самом начале, отчасти из-за того, что было сказано.

– Вы знаете местного подметальщика перекрестков, хозяин?

Я был слишком занят выпивкой и не ответил.

– Он вас знает, – продолжил Сэм.

– Правда? – Конечно, я время от времени давал подметальщику пенни. Если ты регулярно пользуешься перекрестком, ты так делаешь, если не болван. Но хоть убей, я не мог припомнить, как этот человек выглядит.

– Его зовут Бартоломеу, – сказал Сэм. – Как пророка. Барти. – (Я слушал вполуха, пытаюсь привлечь внимание официанта, чтобы заказать еще вина.) – Это он привел вашего отца домой. За день до его смерти.

Я позабыл об официанте и посмотрел на Сэма:

– Да, я вспомнил. Маргарет мне говорила. Мне следовало дать ему что-нибудь за труды.

– Барти говорит, он не знал, что у старика не все в порядке с головой. – Сэм дотронулся до виска указательным пальцем. – По крайней мере, он понял это не сразу. А кто бы подумал, глядя на него со стороны? Не было похоже, что у него мозги набекрень.

Справедливо замечено. Натаниэль Марвуд выглядел тем, кем был на самом деле, – пожилым человеком шестидесяти лет, но достаточно крепким. Только если вы с ним заговорите и услышите чепуху, льющуюся у него изо рта, в которой не больше смысла, чем в лепете ребенка, вы поймете, что он не в себе.

– Сэр, за церковью есть проход под аркой. Барти говорит, ваш отец вышел оттуда.

– Проход под аркой? – Я подумал, что он имеет в виду большие ворота на границе Сити и Вестминстера, Флит-стрит и Стрэнда. – Ты хочешь сказать, он вышел через Темпл-Бар?

– Нет-нет. Эта арка в стороне. На севере, у церкви Святого Дунстана на Западе. – Сэм наклонился ко мне. – Это проход в одно из заведений законников. Клиффордс-инн.

Тут мне вспомнились слова отца. Чуть ли не последние его слова, что я слышал. И, возможно, последние, что содержали какой-то смысл. «Там, где законники. Эти создания дьявола». Он ненавидел и боялся юристов после того, как с их помощью его упекли в тюрьму и отобрали имущество.

– Это не там, где заседает Пожарный суд? Почему он пошел туда?

Сэм пожал плечами.

«Ты замечал, как законники похожи на грачей? Они держатся друг дружки и кричат: „Гаар-гаар!“ ... И все отправляются в ад после смерти».

Итак, все-таки был один факт в путаном рассказе отца, скрытый во всей этой болтовне о моей матери. Он побывал в Клиффордс-инн, где было много юристов.

– Барти сказал еще что-нибудь?

– Он плакал, – сказал Сэм. – Барти мне рассказал. И Барти привел его домой, но ничего не понял из того, что ваш отец говорил.

Я стукнул кулаком по столу.

– Тогда я пойду в Клиффордс-инн и все узнаю.

Официант неправильно истолковал мой жест и оказался рядом в ту же секунду.

– Прошу прощения, господин, что заставил вас ждать. Еще кварту хереса? Сей момент.

– Да, – сказал я мрачно. – Отлично, выпьем на дорожку. С богом! И почтим память моего отца. – Я бросил гневный взгляд на Сэма. – Он не должен был плакать. Он не должен был горевать.

Сэм опустил глаза на стол.

– Нет, сэр.

– И зачем вообще, господи, он отправился в Клиффордс-инн? Кто-то его туда заманил? – Наконец чувство вины и вся моя печаль нашли выход. – Я узнаю правду, ты слышишь, и прямо сейчас. Найди мне этого Барти, и я задам ему вопросы.

– Хорошо, сэр.

Тут подоспел официант с новым заказом. Через час я был слишком пьян, чтобы узнать хоть какую-нибудь правду.

Глава 5

На следующий день после похорон я проснулся с головной болью, раскалывающей мой череп пополам.

Во рту был вкус, как в первые несколько недель после Великого пожара, когда все превратилось в пепел – от воздуха, которым мы дышали, до воды, которую мы пили. Каждый вдох и каждый глоток служили напоминанием о том, что случилось. Каждый шаг поднимал серое облако, которое припудривало одежду и волосы. Разрушение города и смерть старика имели одинаковый вкус: прах к праху.

Было рано. Я закутался в халат и спустился на кухню нетвердой походкой, будто сам был стариком: точно так ходил мой отец, когда после сна у него деревенели ноги. «Должно быть, у смерти есть чувство юмора», – подумал я.

Кухня находилась в задней части дома, унылая, слабо освещаемая окном с частым свинцовым переплетом, выходящим на погост. Маргарет уже была там. Разожгла очаг и готовила обед. Она бросила на меня взгляд, указала на скамью у стола и пошла в кладовку.

На кухне пахло дымом и несвежим мясом. Я только что пришел, а мне уже хотелось уйти, но не было сил. Маргарет вернулась с кувшином легкого пива и кружкой. Молча налила утренний напиток в кружку и протянула мне.

После первого глотка меня замутило. Я поборол тошноту и сделал еще глоток. Проглотил и осторожно отважился на третий.

– Я добавила капустного сока, – сказала Маргарет. – Верное средство.

Меня снова замутило. Она вернулась к очагу и принялась помешивать в котелке – еще один источник запаха. Я видел, как крыса прошмыгнула вдоль стены из кладовки и нырнула в щель под дверь, выходящей во двор. Хотел бросить чем-нибудь в нее, но не было сил.

Неспешно я выпил все из кружки и подождал, что будет. Ничего плохого я не почувствовал. По крайней мере, во рту стало не так сухо.

Маргарет снова наполнила кружку, не спрашивая. Сэм был склонен злоупотреблять выпивкой, и она знала, что делать.

Я закрыл глаза. Когда я их открыл, Маргарет склонилась надо мной. Это была невысокая, крепкая женщина с черными волосами, темными глазами и румяная. Когда ей было жарко или когда она сердилась, казалось, что она взорвется. Она как раз так выглядела, но я не знал, по какой причине. Мои воспоминания о том, что было вчера вечером, были расплывчатыми. Понятно, что я был сильно пьян. Вероятно, это означало, что Сэм был пьян тоже.

– Хозяин, – сказала она. – Можно с вами поговорить?

– Позже, – сказал я.

Она не приняла сказанное в расчет.

– Одежда вашего отца, сэр. Я...

– Раздай бедным, – прохрипел я. – Продай. Мне совершенно наплевать, что ты с ней сделаешь.

– Я не об этом, сэр. Я вчера чистила его камзол. Тот, что он носил. – (Я потянулся за кружкой, морщась и не глядя на нее.) – Хороший камзол, – сказала она. – Ему сноса нет.

– Ну и избавься от него как-нибудь. И не докучай мне с этим, женщина.

– Я чистила карманы.

Что-то в ее голосе заставило меня поднять глаза.

– И что?

Вместо ответа она подошла к полкам на стене напротив очага и достала маленькую коробочку без крышки. Она поставила коробочку на стол.

Внутри лежал потрепанный отцовский кошелек и какой-то обрывок бумаги. В кошельке было два пенни – мы никогда не давали ему больше, так как он либо терял деньги, либо их у него крали, если он не успевал их раздать. Еще там были четыре литеры шрифта – все, что осталось от его печатного прессы на Патерностер-роу. Также там лежал его складной нож с деревянной рукояткой, потертой и в пятнах от постоянного использования. На самом дне обнаружился скомканный листок бумаги, испачканный ржавчиной.

Конечно же, не ржавчиной. Засохшей кровью. Такая же засохшая кровь, как на манжете его сорочки.

В памяти всплыл вчерашний разговор с Сэмом. Подметальщик перекрестков. Клифффордс-инн. «Там, где законники. Эти твари дьявола». И еще припомнилось, как отец нес чепуху о моей матери и о женщине на кушетке, о том, как он закрыл ей глаза.

Я взял бумагу и расправил ее. Это был обрывок большого листа. На обрывке я прочитал: «Твизден, Уиндам, Рейнсфорд, Д. Я.».

Маргарет наполнила мою кружку.

– Его не было на прошлой неделе, хозяин.

– Уверена?

Она презрительно отмахнулась от вопроса, как он того и заслуживал.

Мой мозг по-прежнему боролся со вчерашними возлияниями. Я сощурился и попытался сосредоточиться на написанном. Сначала идут три имени. Затем два инициала. Д. Я. – такое известное имя, что достаточно инициалов?

– Принеси мне булочку и масла.

Она вышла. Я сидел и смотрел в пустоту. Клифффордс-инн. Обрывок бумаги, испачканный кровью. Имена. Меня привело в замешательство, что отцовский бред содержал какой-то смысл. Он и вправду набрел на юристов. Но бумагу он мог подобрать где угодно.

Дверь, ведущая во двор, открылась и закрылась. Послышались шаги в проходе к судомойне и стук костыля по мощенному плиткой полу.

На пороге кухни появился Сэм. Он кивнул в сторону судомойни и задней двери:

– Барти во дворе.

Я уставился на него.

– Он ничего у меня не получит. Рано еще, – едко заметила Маргарет. – Скажи ему, пусть после обеда приходит.

– Придержи язык, женщина. – Сэм повернулся ко мне. – Хозяин, это Барти. Подметальщик, который видел вашего отца. Вы велели его отыскать. Помните? В «Дьяволе»?

Внезапно я протрезвел, или мне так показалось.

– Веди его сюда.

– Лучше бы вам выйти, хозяин. – Маргарет наморщила нос. – Если соблаговолите. От него воняет.

– Дай ему какой-нибудь еды, – сказал я. – Вынеси.

– И вот что еще, сэр, – сказал Сэм. – Барти говорит, что видел вашего отца еще раз.

– О чем ты, черт возьми?

Голос Сэма звучал незлобиво:

– В пятницу утром. Как и в четверг.

Повисла тишина. Я разинул рот. Маргарет застыла, как статуя, со сковородкой в руке, когда нагибалась, чтобы поставить ее на огонь.

Я слотнул. И медленно выговорил:

– Ты имеешь в виду прошлую пятницу? В день, когда мой отец умер?

Сэм кивнул.

– Он видел, что случилось?

– Он только вам скажет. От меня ему никакой пользы. Вы при кошельке.

Маргарет тихо простонала и поставила сковороду на огонь.

– Почему он раньше ничего нам не сказал?

– Его посадили за решетку за долги в тот самый день. Только вчера вечером его матушка собрала денег, чтобы вызволить его из тюрьмы.

Сэм направился по коридору во двор. Я последовал за ним. Через его плечо я увидел подметальщика, который сидел на краю колоды, в которую собирали дождевую воду. Он был закутан в грязный плащ, шляпа надвинута на уши. Скрюченный человек с землистым лицом.

Завидев нас, он вскочил на ноги и неуклюже поклонился. Потом снова закутался в плащ, будто хотел сделаться как можно более незаметным.

– Сэм говорит, ты видел моего отца в день, когда он умер, – сказал я. – И за день до того, как привел его сюда.

Барти закивал так неистово, что с головы слетела шляпа, обнажив плешь с коростой и редкие жирные волосы, ниспадающие до плеч. Он облизнул губы.

– Вы не потащите меня в суд, господин? Пожалуйста, сэр.

– Тогда скажи правду.

– Я ничего плохого не сделал. – Он переводил взгляд с меня на Сэма. У него были глаза собаки, которая боится, что ее побьют.

– Скажи мне, – потребовал я. – Беднее от этого не станешь.

– Все было как в четверг, господин. Он опять вышел из Клиффордс-инн на Флит-стрит.

Он очень спешил и наткнулся на лоток с книгами. И продавец обругал его.

Сэм толкнул Барти локтем:

– Расскажи его милости остальное.

Барти поморщился:

– Он оглядывался. Будто кто-то его преследовал.

– Что? – выпалил я. – Кто?

– Этого я не видел, сэр. Ехала телега со стороны собора Святого Павла и карета навстречу из-под ворот. Я подумал: «Надо помочь старику, как я уже делал однажды».

– Надеемся, тебе это окупится, – сказал Сэм. – Все это можно опустить. Продолжай.

– Ну... – Барти посмотрел на меня, потом отвел взгляд. – Тогда это и случилось. Старик споткнулся и упал на дорогу перед телегой. Но я слышал...

Я схватил его за шиворот и потянул на себя. Мне хотелось его трясти, пока он не испустит дух.

– Что ты слышал?

– Его крики, господин. Его крики.

Я отпустил негодяя. Он рухнул на колоду. Меня трясло.

– Что было потом? – спросил я.

– Все движение встало. Я вышел на дорогу посмотреть...

– Нельзя ли чем-нибудь поживиться?

Он выдавил заискивающую улыбку:

– Он был еще жив, сэр. Все еще. Вокруг него собралась толпа. Он поднял глаза и увидел меня среди собравшихся. Ей-богу, он меня увидел, господин. Ей-богу. Он узнал меня. Я точно знаю. Он сказал: «...Грач. Где грач?»

– Грач, – повторил я. – Грач? Какой грач?

Барти уставился на меня.

– Я не знаю, что он имел в виду, господин. Но он точно был чем-то напуган.

– Что еще? – потребовал я.

– Это все, что он сказал, господин. Потом он преставился.

Позже тем же утром в дверь постучали. Сэм объявил, что это пришел портной для примерки.

Я чуть не забыл о встрече, возможно, потому, что мне не хотелось о ней помнить. Смерть – мрачная штука, хлопотная и дорогая, как и ее последствия. Но в глазах общества было бы неправильно, если бы я показался на людях без видимых знаков скорби.

Некоторые подобные знаки было легко устроить без особых трат. Перед похоронами я велел Маргарет сделать тусклыми металлические пряжки, нашить черный шелковый креп на ленту шляпы и намазать черным мои лучшие коричневые башмаки, включая подошвы, по совету Маргарет, поскольку они будут видны, когда я преклоню колени во время молитвы.

На похороны я взял напрокат траурный костюм, но мне нужен был собственный. В субботу я сходил к портному, он снял мерки, я выбрал материю, и мы обсудили фасон. Теперь портной пришел, чтобы устроить примерку и уговорить меня купить черный шелковый пояс как дополнение к новой одежде.

Когда с этими делами было покончено, в голове у меня прояснилось, а желудок почти вернулся в нормальное состояние, хотя одна мысль о хересе вызывала тошноту.

Смерть имеет еще одно последствие: она выбивает человека из привычной колеи, ввергает его в одиночество, когда он меньше всего этого желает.

Все это время, когда портной перестал чесать языком и удалился, наконец оставив меня одного, я не мог ни на чем сосредоточиться, кроме слова «грач». Ничто не могло отвлечь меня от этого.

Что мог я сделать? Обратиться к ближайшему судье и выложить перед ним факты? Что мог я сказать? Что полоумный старик забрел в Клиффордс-инн, после чего попал под колеса телеги на Флит-стрит. Подметальщик перекрестков рассказал, что перед смертью он сказал: «Где грач?»

Где здесь преступление? Против кого я могу предъявить факты? Но я что-то должен предпринять ради отца.

Нет. Неправда. Я должен что-то предпринять столь же ради себя, как и ради отца. В надежде облегчить горе и чувство вины.

Когда портной ушел, я отнес поднос с отцовскими пожитками наверх в его комнату. С постели уже сняли белье, остался голый матрас. Оконные шторы тоже сняли. Полы отдраили, а комнату проветрили. Маргарет была истовой домашней работницей.

Отцовская одежда лежала свернутой в шкафу. На вещах остался его запах, еле уловимый и тревожащий. Запах старого человека, плесневелый и знакомый. Он почти ничего не оставил после себя, кроме Библии и содержимого карманов.

Эта Библия была у него, сколько я себя помню. Это была Женевская Библия, перевод с древних языков, почитаемая пуританами. Когда его осудили за измену, он взял Библию с собой в тюрьму и постоянно ее перечитывал. Когда я был маленьким, он запретил мне ее касаться, чтобы не испачкать священный том грешными грязными пальцами. До сих пор я его слушался.

Теперь Библия была моей. Я отнес ее в гостиную и положил на стол, куда падал свет из окна. Перелистал страницы, хрупкие и потрепанные. Без отца книга потеряла свою важность. Конечно, это по-прежнему была Библия, священная книга, ценнее ее в мире ничего не было. Слово Божье. Я не оспаривал этого. Книга была насыщена мудростью, сутью святости. Но в то же время это была просто книга, небольшая, потрепанная, одна из десятков тысяч экземпляров по всей стране. Без отца она лишилась своего веса и ценности.

К задней обложке проржавевшей скрепкой был приколот свернутый бумажный лист. Внутри я обнаружил светло-каштановый локон, перевязанный красной нитью. Воспоминание обрушилось на меня, молниеносное и жестокое, как разбойник. «Рэйчел... как она грациозна, Джеймс, даже у себя на кухне. Знаешь, она грациозна, как лань».

Я потрогал локон, то, что осталось от моей матери, когда-то жившей, кого мой отец любил и желал. Я не мог себе представить, что он за ней ухаживал. Не мог представить, что родители были парой и молоды, моложе меня теперешнего. Но, похоже, ее молодой образ остался таким живым в его памяти, что заманил в Клиффордс-инн, заманил к законникам.

Отец их ненавидел. Законники были посланцами Сатаны, слугами Антихриста. Они помогли посадить его в тюрьму. Тем не менее его страсть к умершей жене лишила его страха.

Глава 6

Церковь Святого Дунстана на Западе была частично в строительных лесах. Она выступала на проезжую часть, отчего та сузилась, как бутылочное горлышко, перед воротами и выездом на Стрэнд. Лавки и ларьки сгрудились, будто искали защиты у стены южного придела, и загоразивали большую часть тротуара, затрудняя передвижение пешеходов. Пожар не разрушил церковь, но причинил ей значительный урон и закоптил каменную кладку, особенно в восточном крыле.

Вход в Клиффордс-инн находился в западном конце нефа, зажатый между квадратной башней церкви и стеной соседнего здания. Высланный плиткой проход через церковный двор вывел меня к воротам. За ними открывался небольшой убогий двор, больший по ширине, чем по глубине, окруженный зданиями, разнившимся по размеру и возрасту.

Зал заседаний был прямо передо мной. Он занимал правую часть северного ряда. Дорожка привела ко входу в левой части здания. Там стояли люди и разговаривали вполголоса. Тут были юристы и их клерки, а также обычные граждане, как мужчины, так и женщины.

Никто не обратил на меня никакого внимания, словно я был привидением, когда я шел мимо них через арку в другой проход вдоль череды зданий, ведущий к другой арке. Там тоже было полно народу, хотя было намного тише, чем во дворе. Дверь в зал заседаний была справа. Она была закрыта. Перед ней стоял привратник со своим жезлом.

– Тише, сэр, – сказал он громким шепотом. – Суд заседает.

Я вышел через соседнюю дверь. И оказался в большем по размеру дворе, за которым находился сад. Налево, если пройти еще через одни ворота, располагалась Сарджентс-инн, а за ней Чансери-лейн, идущая на север от Стрэнда. Направо ряд домов, еще один двор и еще одни ворота, выводящие в переулок вблизи Феттер-лейн. Переулок был западной границей Пожара в сентябре прошлого года, но огонь оставил свои следы на обеих его сторонах. Одно из зданий пострадало – корпус внутри ворот в северной части двора. Крыша отсутствовала, и верхние этажи были частично разрушены.

В целом Клиффордс-инн производила впечатление обветшалой, словно престарелая бедная родственница, забытая всеми в углу возле камина. Но в картине общего запустения имелось одно исключение – кирпичный корпус, выходящий фасадом в сад, на дальней стороне почерневших руин.

Что говорил отец?

«Я следовал за ней через сад до входа в здание из кирпича».

Как странно! Еще одно зерно правды в бессвязной болтовне отца в тот последний вечер. Сначала место, где полно законников, теперь здание из кирпича в саду.

Здание имело четыре двери, расположенные на равном расстоянии друг от друга, и по паре окон, выходящих в сад, с каждой стороны. Я неспешно пересек двор и направился к зданию с нарочито непринужденным видом. Каждая из дверей вела на лестницу, на каждой лестничной площадке с обеих сторон располагались жилые помещения. Имена жильцов были написаны краской на доске у каждого входа.

Я остановился, чтобы изучить ближайшую от меня доску. Что-то с буквами было неладно. Я провел детство в типографии и подмечал подобные вещи. Уж об этом отец позаботился.

XIV

6 Мистер Харрисон

5 Мистер Моран

4 Мистер Горвин

3 Мистер Громвель

2 Мистер Друри

1 Мистер Бьюс

«Литеры одного имени были так неумело выведены краской, Джеймс, и так криво».

У меня мурашки побежали по затылку. Потрясающе. Доска выглядела точно так, как он описал. Одно имя было явно добавлено позже, и художник не обладал ни умением, ни старанием. Громвель.

«Там образовалась клякса, и бедная тварь в ней утонула».

Словно рядом стоял призрак отца и нашептывал мне на ухо. В самом деле, под буквой «л» в фамилии Громвель прилип муравей, истлевая внутри твердого савана из белой краски.

Меня обуял ужас. Если отец до сих пор был прав, как же тогда быть с этой женщиной, выставившей себя напоказ как блудницу, которую он видел в комнате наверху? Женщина с каретой и лошадьми. Женщина, чьи глаза он закрыл в комнате с муравьем.

Комната Громвеля?

Я отворил дверь и поднялся по лестнице. Я не торопился – отчасти потому, что страшился того, что могу увидеть. На первой площадке были две двери напротив друг друга, номера 3 и 4. Я остановился и прислушался.

«Я думал, что найду ее в комнате с муравьем, наверху...»

Я постучался в номер 3. Внутри послышались шаги. Высокий мужчина с нездоровым румянцем открыл дверь. На нем был домашний халат из темно-синего плюша и бархатный колпак. В руке у него была книга, палец уткнулся в то место, где он прервал чтение. Он хмуро посмотрел на меня, поднял брови и выжидал.

– Мистер Громвель? – спросил я.

Должно быть, ему послышалось «Кромвель». Или просто он был излишне чувствителен, что было объяснимо, ибо голова Оливера Кромвеля была выставлена напоказ как страшное предупреждение изменникам на двадцатифутовом шпиле Вестминстера.

– Громвель, – сказал он, растягивая слоги. – Гррромвель, начинается с «г». Не имею никакой связи с определенной семьей из Хантингдоншира, именуемой Кромвелями. Гррромвели – старинное семейство из Глостершира. Гррромвель, сэ, как растение.

– Чьи семена используются для обработки камня, сэ? – сказал я, припомнив гербарий, который печатал мой отец.

Брови снова поползли вверх.

– Это правда. Оно к тому же очень красиво. Как говорит Плиний, словно искусный ювелир расположил блестящие белые жемчужины среди листьев. Сэр Томас Браун называет его литоспермоном в своем труде «Вульгарные ошибки».

Я поклонился в знак уважения к такой учености. За спиной мистера Громвеля виднелся стол с грудой книг.

– Простите, что прервал ваши труды. – Я чуть сдвинулся, чтобы лучше разглядеть, что находится слева. Ковра я не увидел. Все, что мне удалось разглядеть, это голые доски и замызганную камышовую циновку. – Меня зовут Марвуд. Я хотел узнать, не навещал ли вас мой покойный отец на прошлой неделе.

Громвель нахмурился, и мне показалось, он впервые обратил внимание на мою траурную одежду.

– Ваш покойный отец?

Над камином висело пыльное зеркало в золоченой раме, выдавшей лучшие времена, но ни следа картины – ни скабрезной, ни какой-либо другой.

– Он умер на следующий день после того, как побывал здесь.

– Прискорбно слышать, сэ. – Мистер Громвель не выглядел преуспевающим, но имел манеры джентльмена. – Я был в отъезде. Мои комнаты стояли запертыми.

Он сделал шаг назад. Задел дверь, и она распахнулась, открыв бóльшую часть комнаты. Никакой кушетки, не говоря уж о теле, лежавшем на ней. Ничего из обстановки нельзя было назвать роскошным. Я почувствовал облегчение и одновременно разочарование. Поразительно, как много мой отец запомнил. Как только он попал сюда, его воображение дало волю. Но упорства мне было не занимать.

– Меня ждут дела, – промолвил Громвель с величественным видом. – Желаю вам хорошего дня, сэр.

– Имя Твизден вам говорит о чем-нибудь, сэр? – спросил я. – Или Уиндам? Или Рейнсфорд?

Он покачал головой:

– Простите, сэр, мои труды...

– А инициалы Д. Я.?

Громвель переменился в лице. На мгновение с него слетела его величавость, и он выглядел удивленным. Черты лица заострились, и он помолодел на короткий миг.

– Нет, – сказал он более категорично, чем ранее. – Хорошего вам дня.

И захлопнул передо мной дверь. Я постучался. В ответ услышал, как задвинули засов.

Глава 7

Молодая женщина сидела на галерее и стенографировала. Ее настоящее имя было Кэтрин Ловетт, но она старательно пыталась забыть этот неудобный факт. Теперь она была Джейн Хэксби, служанкой, которая пришла на заседание Пожарного суда в Клиффордс-инн по поручению Саймона Хэксби, своего господина, а также троюродного брата ее отца. Она была опытной служанкой, получившей хорошее воспитание и образование, что в настоящее время приносило ей не много пользы. В ее новой жизни один только мистер Хэксби знал, кто она такая.

Она не собиралась быть служанкой всю жизнь. У нее на коленях лежал блокнот, который она придерживала левой рукой. Раскрытая страница заполнялась ровными рядами карандашных символов, имеющих смысл только для посвященных.

Внизу в зале шло заседание суда. Слушалось последнее из дел, назначенных на сегодня. За круглым столом на небольшом помосте в восточной части зала сидели трое судей. Клерки и приставы сгрудились по одну сторону. Они вели запись слушаний и срывались с места, когда судья кивком подзывал к себе и просил принести книгу, или письмо, или свежее перо. Истец и ответчики со своими представителями стояли непосредственно перед помостом.

В слушании наступила пауза, не дольше пяти секунд, когда никто не говорил, и суд, казалось, перевел дыхание. Ее ум блуждал. Ее карандаш тоже. «Его парик сидит криво, – написала она. – У судьи справа». Потом юрист прочистил горло, и заявления и препирательства возобновились.

Зал был тесным и обшарпанным. Клиффордс-инн нельзя было назвать грандиозным заведением масштаба Темпла, величественного «коллеги» по другую сторону Флит-стрит. Даже в мае воздух в зале был прохладным и сырым. В центре в квадратном очаге дымилась угольная жаровня. Тепло вместе с дымом поднималось к почерневшим стропилам крыши и утекало без пользы через жалюзийную трубу в неблагодарное небо.

Джейн Хэксби сидела в западной части галереи, поодаль от других женщин. Ее блокнот лежал на экземпляре «Тахиграфии» Шелтона. Она самостоятельно училась стенографии, и Пожарный суд предоставлял ей полезную практику. Большинство женщин сбились в кучку в задней части галереи, где судьи не могли видеть их, и переговаривались шепотом. Иногда они поглядывали на нее, их лица были пустыми, а взгляды жесткими. Она знала почему. Она не принадлежала к их сословию, поэтому они заранее испытывали к ней неприязнь.

– Всем встать! – крикнул клерк. – Всем встать!

Все присутствующие встали, когда судьи направились в свою комнату обсудить вердикт. Внизу колыхался океан мужских шляп. Скамьи были расставлены вдоль стен. Там сидели старики и немощные. Со своего места в передней части галереи она видела поля самой лучшей шляпы мистера Хэксби и складки его темного шерстяного плаща, который он обычно берег для посещения церкви и церковных праздников. Даже его лучший плащ был сильно поношен.

У Хэксби не было прямого интереса к рассматриваемому делу. Он присутствовал на суде по поручению фригольдера⁶, чтобы проследить, что его интересы соблюдаются. Сам спор был запутанным и ожесточенным – между арендатором и тремя субарендаторами по поводу того, кто из них будет отвечать за восстановление их домов после Пожара, а также как затраты на восстановление отразятся на условиях их аренды и субаренды. Правительство учредило этот суд исключительно для урегулирования таких споров с целью максимально ускорить восстановление Лондона.

Белая рука мистера Хэксби лежала на его колене. Даже издали Кэт было видно, что его пальцы дрожат. Знакомое чувство страха прокралось и поселилось у нее в животе. Она наде-

⁶ Фригольдеры – пожизненные или наследственные землевладельцы в средневековой Англии.

ялась, что с наступлением хорошей погоды его здоровье улучшится. Однако лихорадка только усиливалась.

А если он будет так нездоров, что не сможет работать, что станется с нею?

Спустя какое-то время судьи вернулись, чтобы объявить вердикт. Он был в пользу субарендаторов, но условия аренды были в пользу арендатора. Судьи удалились, и зал стал пустеть.

Джейн Хэксби подождала, пока выйдут другие женщины. Она опустила голову, когда они проходили мимо нее к лестнице, делая вид, что штудирует «Тахиграфию». Нельзя допустить, чтобы ее узнали, или, вернее сказать, узнали в ней ту, кем она была раньше, ведь старые привычки неискоренимы. Вскоре и она спустилась в проход в дальней части зала.

В обоих концах коридора были двери. Одна вела в маленький двор с воротами на Флит-стрит. Другая – во двор с садом, где находилась большая часть остальных зданий Клиффордс-инн. Мистер Хэксби вышел из зала и тронул ее за руку. Она взяла у него папку с бумагами и предложила свою помощь. Он сделал вид, что не заметил. Опираясь на трость, он медленно направился в сторону северных дверей, а она поплелась следом.

Он был гордым человеком. Одно дело – показать слабость служанке, совсем другое дело – показать ее людям, особенно тем, кто его знал. Но она научилась им управлять.

– Солнце ушло, сэр, – сказала она. – В зале было так холодно. Позвольте мне посидеть минутку в саду?

Но он ее не слушал. Вдруг он остановился. Она услышала, как он промолвил:

– Бог мой...

Она взглянула на шедшего им навстречу. Ее глаза округлились. Машинально она сделала шаг назад, готовая сбежать. Это был человек из ее прошлой жизни.

– Мистер Марвуд, – сказал Хэксби дрожащим голосом. – Ваш слуга, сэр.

Она тотчас его узнала, что было удивительно. Джеймс Марвуд изменился. Он казался выше ростом и носил траур. И, помимо прочего, он был не к месту в Клиффордс-инн. Ведь он один из клерков Уайтхолла, а не юрист. Но самым странным было то, что она его сразу узнала, хотя видела близко всего раз, и то при свете свечей и фонарей и в то время, когда ее голова была занята совсем другим. Ей стало любопытно, по кому он носил траур.

Мистер Хэксби бросил на нее взгляд через плечо и повернулся к Марвуду.

– Хорошего вам дня, сэр, – сказал Марвуд осторожно, будто не был уверен в своем пожелании. Взгляд скользнул на нее, но он с ней не поздоровался.

– И вам... – Хэксби замер в нерешительности, а потом зашепел, словно хотел избавиться от слов как можно скорее. – Это моя кухня Джейн. Джейн, – повторил он с нажимом, будто давал урок. – Джейн Хэксби. Она приехала в Лондон и служит у меня в чертежном бюро.

Она присела в подобии реверанса. Четыре месяца назад Марвуд спас ей жизнь на руинах собора Святого Павла. Кроме самого Хэксби, только Марвуд знал, что Джейн Хэксби была на самом деле Кэтрин Ловетт, дочь царевубийцы, который умер в прошлом году, участвуя в заговоре против короля.

– И что привело вас сюда, сэр? – спросил Хэксби.

– Расследование, сэр. А вас?

Хэксби кивнул в сторону зала:

– Пожарный суд сегодня заседал.

– Часто посещаете?

– Как того требует случай. Когда это касается интересов моих клиентов.

Марвуд подошел ближе.

– Тут такое дело, прошу, уделите мне минуту. Вам ничего не говорят такие имена: Твизден, Уиндам или Рейнсфорд?

– Есть сэр Уиндам. Он судья Суда королевской скамьи, иногда также заседает в Пожарном суде. Кстати, он сегодня был одним из судей. Возможно, это тот, кто вам нужен?

– Возможно. А другие?

– Других я не знаю. Быть может, тоже связаны с Пожарным судом? А вы спросите у Теофилиуса Челлинга. Он секретарь Пожарного суда. Кому и знать, как не ему.

– Я с ним не знаком.

– Я вас сейчас представлю, если желаете. – Хэксби взглянул на служанку, потом снова на Марвуда. – Вреда от этого не будет, я полагаю.

Марвуд пробормотал слова благодарности, и Хэксби направился ко входу в здание, примыкающее к корпусам зала под прямым углом. Марвуд шагал рядом. Джейн Хэксби держалась позади, как подобает слугам.

Они шли по лестнице из темного дерева в сумрак верхних этажей. Пока они поднимались, дрожь у Хэксби усилилась, и он был вынужден опереться на руку Марвуда. Двери, ведущие в апартаменты второго этажа, высокие и красивые, были поставлены недавно. На третьем этаже потолки были ниже, дверные проемы уже, а сами двери из почерневшего дуба были такими же древними, как каменный портал, их обрамлявший.

Хэксби постучал в дверь справа, и громкий голос велел им войти. Мистер Челлинг встал, когда они вошли. Его тело и голова принадлежали высокому человеку, но природа решила наделить его очень короткими руками и ногами. Лицо, крупное в сравнении с отдельными его чертами, обрамляли седые волосы. Макушка его головы была на одном уровне с плечами Джейн Хэксби.

– Мистер Хэксби, как поживаете, сэр?

Хэксби сказал, что поживает отлично, что было явной неправдой, и спросил, как поживает Челлинг.

Челлинг вскинул руки:

– Не могу сказать то же самое.

– Позвольте представить мистера Марвуда.

– К вашим услугам, сэр. – Челлинг отвесил поклон.

– Мне жаль слышать, что вы нездоровы, сэр, – сказал Марвуд.

– Физически я вполне здоров. – Челлинг выпятил грудь колесом. – Глупцы, с которыми я имею дело каждый день, – вот что вызывает мое недомогание. Не судьи, сэр, нет-нет. Судьи кротки, как агнцы. Управляющие Клиффордс-инн – вот кто мешает мне работать. И потом еще Суд старейшин. Он не предоставляет нам средств, необходимых для текущей работы Пожарного суда. Это так все усложняет.

Без приглашения Хэксби опустился на стул. Служанка и Марвуд остались стоять.

Челлинг погрозил им пухлым пальцем.

– Вы не поверите, сэр, но мы уже извели десять пергаментных кож на белые копии решений суда, не говоря уже о стопах лучшей амстердамской бумаги. Перьев тоже немерено. И еще кучу песка для промокания, ну и кварту чернил. Я уж молчу о счетах столяра, торговца сальными свечами и о стоимости угля. Уверю вас, сэр, расходы значительные.

Хэксби кивнул:

– В самом деле, сэр. Непостижимо.

– И если бы мы здесь попусту тратили деньги. Мы все понимаем необходимость бережливости. Судьи вообще отдают свое время без всякой оплаты, на благо страны. Но нам необходимы наличные деньги, сэр, вы не будете оспаривать, я полагаю? Даже с самыми лучшими намерениями суд не может работать на воздухе.

Челлинг замолк, чтобы перевести дух. Прежде чем он успел заговорить, вмешался Хэксби:

– У нас с мистером Марвудом были совместные дела, касающиеся собора Святого Павла сразу после Пожара. Я работал с доктором Реном по оценке ущерба, нанесенного конструкциям. Лорд Арлингтон послал мистера Марвуда собрать у нас данные. – Когда Хэксби что-то

задумывал, его было почти так же невозможно остановить, как и самого мистера Челлинга. – Мы только что встретились, когда я покидал суд. Его интересовали судьи, и я сказал, что знаком с человеком, который знает все. И вот мы здесь, сэр.

– Уайтхолл, так? – спросил Челлинг, повернувшись к Марвуду. – При лорде Арлингтоне? Марвуд поклонился:

– Да, сэр. Я секретарь его заместителя, мистера Уильямсона. А также служу секретарем при Совете красного сукна, когда он собирается.

– Красное сукно? Пожалуй, не слышал.

– Это департамент камергера стула, сэр. Спальня короля.

Мистер Челлинг склонил голову, и его манеры стали заметно почтительнее.

– Как любопытно, сэр. Спальня короля? Шепнуть кое-что кому надо, и для нас случится чудо. Дело не в деньгах, видите ли. Я сталкиваюсь с препятствиями на каждом шагу от управителей этим заведением. Хуже быть не может.

Марвуд снова поклонился, выказывая желание помочь, не беря на себя обязательств. «На нем теперь флер придворного, чего раньше не было, – подумала Джейн Хэксби, – или, по крайней мере, человека, посвященного в государственные секреты». Ей это было безразлично. Он чуть повернул голову, и свет упал на его лицо. Он больше не выглядел придворным. Он выглядел больным.

Она гадала: кто умер? Была ли жива у него тогда мать? Может, отец? Она не припомнила, а возможно, просто не знала. Хотя Джеймс Марвуд и изменил ее жизнь, она поразительно мало о нем знала. Но одно она знала точно: если бы не он, она могла быть мертва или сидеть в тюрьме.

– У мистера Марвуда есть к вам вопрос, сэр, – сказал Хэксби.

Марвуд кивнул:

– Пустяковое дело. Мне встретились три имени: Твизден, Уиндам и Рейнсфорд. Насколько я понимаю, есть сэр Уиндам, один из судей Пожарного суда и...

– А-а, судьи, сэр. – Для большей убедительности Челлинг постучал по столу. – Мистер Хэксби привел вас к правильному человеку. Я хорошо знаком с сэром Уиндамом. По правде говоря, я знаком со всеми судьями. У нас их два десятка или около того. Они занимают комнаты под нами, на втором этаже. Они больше чем наши. Мы выделили им удивительно просторную гостиную, хотя, надо отметить, это я ее приготовил, а также комнату для совещаний и личные комнаты. Вот только на днях лорд главный судья был так добр, что сказал мне, как просторны комнаты и как удобны для работы Пожарного суда.

– И есть ли среди судей...

– Да-да, сэр, Уодам Уиндам один из них, как я сказал, и другой сэр Томас Твизден. Сэр Томас самый усердный в смысле посещаемости. Такой выдающийся человек. Вот помню...

– А что Рейнсфорд? – перебил его Марвуд.

– Ну да, сэр Ричард, но...

– Простите, сэр, один последний вопрос. У кого-то из судей могут быть инициалы Д. Я.? Челлинг наморщил лоб и задумался:

– Не могу припомнить. Подождите, у меня есть список. – Он порылся в документах на столе и нашел бумагу, в изучение которой углубился. – Нет, такого нет. – Он поднял голову и вперился маленькими покрасневшими глазками прямо в Марвуда. – А почему вы спрашиваете?

– Простите, сэр, не имею права говорить.

Челлинг подмигнул:

– О, понимаю. Вероятно, дела Уайтхолла. Больше никаких вопросов. Осмотрительность – наш сторожевой пес.

Марвуд поклонился:

– Благодарю вас за помощь, сэр. Не смею вас больше задерживать.

– Непременно дайте мне знать, если я смогу вам еще чем-то помочь. – Челлинг попытался улыбнуться, но лицо отказывалось ему служить. – И, если появится возможность, я надеюсь, вы о нас не забудете.

– Не сомневайтесь, сэр.

– Если бы король знал о наших затруднениях, особенно связанных с нашими управляющими, которые...

– Мистер Громвель, не так ли? – перебил его Хэксби, вставая. – По-прежнему ставит палки в колеса?

– Громвель, сэр? – переспросил Марвуд. – Знакомое имя. – Тогда я вам сочувствую сэр. Челлинг махнул рукой, словно отсылал Громвеля в тьму забвения:

– Мир был бы лучше, если бы вовсе о нем не знал.

– Отчего же? Что он такого сделал?

– Он один из наших членов правления, иначе говоря, членов, которые избираются для управления делами Клиффордс-инн. Он, в частности, отвечает за здания и их содержание. С сожалением могу сказать, что он не друг Пожарного суда.

– Но вы ведь платите что-то за пользование залом, я полагаю?

– Разумеется. И за эти помещения тоже. Но он считает это недостаточным за такую привилегию. Он совершенно игнорирует безвозмездный аспект этого дела. – Челлинг ткнул пальцем в сторону окна. – На днях я спросил, нельзя ли нам использовать поврежденную пожаром лестницу как хранилище. Это бы значительно облегчило нам жизнь, а ему бы ничего не стоило. Ею все равно сейчас никто не пользуется. Он решительно отказал.

Марвуд снова поклонился:

– Мне жаль, сэр.

Челлинг поклонился в ответ и чуть не упал.

– Если бы король знал...

На этот раз Хэксби удалось подняться на ноги. Джейн поспешила ему на помощь, зная, что после сидения ему трудно удерживать равновесие, но Марвуд ее опередил. Все трое попрощались с мистером Челлингом и стали медленно спускаться по лестнице.

– Бедняга, – прошептал Хэксби. – Цепляется за свои обязанности в Пожарном суде, как утопающий за соломинку. У Челлинга полно прекрасных качеств, но он всю жизнь был неудачником, отчасти из-за своего роста.

Они вышли на солнечный свет. Марвуд взглянул на Джейн Хэксби, и она знала, что он видит перед собой Кэтрин Ловетт.

Она посмотрела на него в ответ, надеясь, что он их оставит.

Хэксби повернулся к нему:

– Вы не отобедаете с нами, сэр?

Глава 8

«Барашек» находился на Уич-стрит, чуть севернее Стрэнда, в глубине двора, в старом здании с потертой почерневшей резьбой вдоль балок, поддерживающих верхние этажи. Оно было удобно расположено между чертежным бюро мистера Хэксби под знаком розы на Генриетта-стрит и домом, где он жил во дворе «Трех петухов». Первый этаж занимали лавки, а таверна была наверху.

Хозяин проводил их в небольшую комнату, слабо освещаемую окном с мелкой расстекловкой, выходящим на задний двор. Хэксби заказал обед на троих и велел подать вина и печенья, пока они ожидали. Джейн Хэксби беспокоилась, во что ему это обойдется.

Марвуд проскользнул на скамью, чтобы сидеть спиной к свету. Она поставила свою корзину и села напротив рядом с мистером Хэксби, занявшим единственный стул. Она украдкой изучала Марвуда. Лицо бледное, кожа туго обтягивала высокие скулы, под глазами темные круги от усталости.

Он принял приглашение, но без особого энтузиазма. Будто ему было безразлично, что с ним происходит. Съел одно печенье, потом другое и немного порозовел.

Он поймал на себе ее взгляд.

– Как поживаете, госпожа... – Выдержал короткую паузу и добавил с небольшим нажимом: – Хэксби?

Она оценила обращение «госпожа», как бы это ни было глупо с ее стороны.

– Очень хорошо, благодарю вас, сэр.

Он обернулся к Хэксби:

– Не хочу причинить неприятности. Вы не против, что вас могут увидеть вместе со мной?

– Мы не слышали ничего, что могло бы нас беспокоить, – промолвил Хэксби приглушенным голосом. – По поводу того дела. – Они были в комнате одни, но он нервно заерзал и наклонился ближе. – Не думаю, что мистер Олдерли все еще ищет Кэтрин Ловетт.

Мужчины обменялись взглядами. Олдерли были ее кузенами. Она ненавидела своего кузена Эдварда больше всех на свете.

– Я тоже ничего не слышал, – сказал Марвуд. – Вообще ничего.

– Кэтрин Ловетт стала Джейн Хэксби, – сказал Хэксби. – Знаете, я сам почти поверил в это. Она мне очень помогает в чертежном бюро.

– Я все еще я, сэр, – сказала она резко. – И сижу здесь, подле вас. Я не забываю, кто я такая и что мне причитается. Я также не забыла, кто причинил мне зло. – Она пристально и холодно на них посмотрела. – По крайней мере, в этой компании я Кэтрин Ловетт.

Хэксби смутился:

– Прошу, не огорчайся.

Она увидела на его лице беспокойство.

– Не тревожьтесь за меня, сэр. Когда я была ребенком, у меня было прозвище Кошка. У меня есть когти.

– Вы довольны? – спросил Марвуд.

– Я служанка, сэр. Я помогаю мистеру Хэксби в его работе. Я живу тихой жизнью. Чего еще могу я желать? – В ее словах слышалась горечь, и она резко сменила тему: – По кому вы носите траур?

Марвуд кутался в свой черный плащ, как черепаха прячется в панцирь. Хэксби прочистил горло, заполняя повисшую тишину. Ему было неловко из-за ее резкого неженского поведения. Он свыкся с ним, когда они оставались наедине, но ему было не по душе, когда она разговаривала настолько прямолинейно с другими.

– По отцу. С пятницы. – Марвуд опустошил второй бокал вина. – Его сбила телега на Флит-стрит.

– Мне очень жаль, сэр, – сказал Хэксби.

– Мне не следует утомлять вас своими горестями. Расскажите мне о суде, где заседают эти три судьи. Отчего они попали в один список?

– Оттого, что Пожарный суд обычно состоит из трех судей для слушания каждого дела, – ответил Хэксби немного холодно, поскольку Марвуд отклонил его попытку выразить сочувствие. – Возможно, было дело, которое они слушали вместе. Или будет.

– Трое судей для процесса?

– Не процесса, сэр. Суд существует, чтобы разрешать споры, возникшие из-за Пожара. Парламент и Сити заинтересованы, чтобы восстановление началось как можно скорее и чтобы затраты распределялись справедливо между всеми заинтересованными сторонами. Во многих случаях арендаторы и им подобные по-прежнему обязаны платить арендную плату за недвижимость, которой больше не существует. И это еще не все. Условия аренды делают их ответственными за восстановление. Естественно, часто у них нет средств на это, поскольку они потеряли во время Пожара все. Поэтому парламент учредил Пожарный суд и наделил его исключительными полномочиями разрешать подобные споры и создавать собственные прецеденты.

– Должен быть список предстоящих дел, – сказал Марвуд. – Если бы я знал, какие дела будут рассматривать эти трое...

Хэксби сказал:

– Это зависит от того, кто из судей свободен.

– Мистер Челлинг должен знать, – сказала Кэт. – Ему первому это становится известно.

– Но иногда назначение не объявляют публично до последней минуты. Чтобы не вызывать раздражение судей. Они не хотят, чтобы им докучали.

Марвуд помедлил.

– Не хотелось бы снова беспокоить мистера Челлинга.

Хэксби улыбнулся:

– Он несдержан на язык. А ваши связи произвели на него большое впечатление. Он будет пытаться использовать вас при любой возможности. Всем станет рассказывать, что вы его друг.

– А что, если вы наведете справки, сэр, – обратилась Кэт к Хэксби, – и так, будто речь идет о совершенно другом деле, скажем, о деле одного из ваших клиентов...

– Вы это сделаете, сэр? – спросил Марвуд с нетерпением.

Хэксби колебался.

– Ну, у меня сейчас полно дел, и я...

– Он сделает это, сэр, – перебила Кэт, прекращая ненужное притворство, – а вы сделаете кое-что для нас в ответ?

– Джейн! – воскликнул Хэксби. – Это невежливо.

– Мне плевать на вежливость, сэр.

– Чего вы хотите? – прямо спросил Марвуд в ответ на ее прямоту.

– Вы могли бы одолжить мистеру Хэксби денег?

– Джейн!

Кэт и Марвуд уставились друг на друга. «Может, – подумала Кэт, – он рассердился, что я попросила его об одолжении в такой момент». Но выглядел он вполне преуспевающим. И сейчас было не до сантиментов. Разве за добро не платят добром? В конце концов, речь идет о бизнесе, обмене услугами.

– Ну, – неуверенно промолвил Хэксби, – вообще-то, я не могу отрицать, что ссуда мне не помешала бы.

После обеда Хэксби и Джейн взяли экипаж и отправились на Генриетта-стрит.

Чертежное бюро на Генриетта-стрит служило для Кэт убежищем, ибо правительство не питало к ней симпатии. Репутации ее покойного отца и покойного дяди пристали к ней, как дурной запах, а живой кузен желал ей зла.

Но чертежное бюро мистера Хэксби было для нее больше чем убежище: это было место, где она, если повезет, могла научиться профессии, которую она ставила выше всех на свете. Подобно великому римскому архитектору Витрувию, она мечтала проектировать дома, которые были бы прочными, красивыми и полезными, подобно птичьим гнездам или пчелиным ульям.

Наемный экипаж означал дополнительные расходы, понимала Кэт, но это было неизбежно. Они ехали молча почти до самого конца, когда Хэксби обратился к Кэт:

- Мне не понравилось, что ты попросила денег у Марвуда. Да еще так прямолинейно.
- У нас есть другой выбор, сэр?

Когда они стали подниматься по лестнице, Хэксби оперся на руку Кэт. Они поднимались этаж за этажом, и чем выше они взбирались, тем сильнее он опирался на ее руку и тем медленнее переставлял ноги.

Чертежное бюро находилось на последнем этаже. Перестроенный чердак во всю ширину дома с широкими мансардными окнами, делающими помещение очень светлым. Два наклонных чертежных стола располагались под углом к окнам, на расстоянии друг от друга, их можно было свободно передвигать, чтобы увеличить, а иногда уменьшить свет, падающий из окон.

Как только мистер Хэксби и Кэт вошли, Бреннан отложил перо, встал и поклонился хозяину.

- Никаких визитеров? – поинтересовался Хэксби, направляясь к своему креслу.

– Нет, господин. – Взгляд Бреннана метнулся к Кэт. – Я закончил обводить чернилами северный фасад. Желаете проверить?

- Хэксби опустил в кресло.

– Хорошо. Принесите сюда. – Он щелкнул пальцами в сторону Кэт. – Потом я продиктую записку милорду.

Кэт повесила плащ. В данном случае милордом был фригольдер, для которого Хэксби следил за слушанием дела в Пожарном суде утром. Собирая письменные принадлежности, она наблюдала, как двое мужчин изучают чертеж фасада. Или, скорее, она наблюдала за Бреннаном. Раз он следил за ней, она будет следить за ним.

Бреннан работал здесь около трех недель. Он явился с рекомендательным письмом не от кого-нибудь, а от самого доктора Рена, с которым Хэксби работал на нескольких проектах. Он был одним из тех, кто работал над Шелдонским театром в Оксфорде – занимался корректировкой чертежей после обсуждений с каменщиками, занятыми на строительстве. Он, по мнению Кэт, определенно был хорошим чертежником, этого у него не отнять, и к тому же работал быстро.

В течение следующего часа Кэт написала под диктовку мистера Хэксби несколько писем, переписала начисто, дала ему подписать и снова переписала их в книгу писем для учета. Не то чтобы ей нравилась такая работа, но она справлялась. И после она была вознаграждена: ей разрешили работать над планами дома и двора на Трогмортон-стрит. Прозаичное задание, но, чтобы она могла самостоятельно работать над деталями, разумеется, требовалось одобрение мистера Хэксби.

Бреннан сидел позади нее, и она чувствовала его взгляд. У нее мурашки побежали по телу. Она повернулась так, чтобы ему было видно только ее плечо. День заканчивался, и свет менялся. Она взяла циркуль-измеритель и воткнула в бумагу одну ножку, потом другую. Положила между ними стальную линейку, наморщила лоб, сосредотачиваясь, и провела карандашом на бумаге линию, едва заметную.

Готово. Основание архитрава. А теперь под углом в двадцать градусов...

Ее раздражение улетучивалось по мере того, как на бумаге появлялись линии восточного фасада. В ее воображении те же линии возникали в новом виде, переведенные из двухмерного измерения в трехмерное, где приобретали прочность и глубину, начиная жить в пространстве и во времени. Уже знакомое чудо, но от этого не перестающее изумлять.

Пока эти двое корпели за чертежными столами, мистер Хэксби сидел у камина. Он читал, иногда делая записи своим корявым почерком. Он проверял счета и счета-фактуры, а также делал пометы на полях писем. Он попросил плотника прикрепить по доске к обоим подлокотникам своего кресла и использовал их как письменный стол. Из-за лихорадки его почерк с трудом поддавался прочтению. Случалось, даже Кэт не могла разобрать написанное.

Шло время. Свет угасал. Колокола на близлежащих церквях пробили семь часов, хотя и не в унисон.

Мистер Хэксби отпустил Бреннана. Чертежнику причиталась дополнительная плата за работу, которую он сделал дома. Хэксби сам достал деньги из кошелька и велел Кэт сделать отметку о платеже. Она прибавила это к списку различных текущих расходов. Пробежала глазами записи и увидела тревожащее количество уже сделанных отметок. Сложила в уме, и сумма ее потрясла. Оставалось два месяца до внесения квартальной арендной платы за чертежное бюро.

Чертежник подошел к ней, чтобы получить деньги и отметить инициалами выплату как полученную. Мистер Хэксби отлучился в свой кабинет по нужде.

Бреннан не спешил. Он стоял очень близко от Кэт. У него была светлая кожа, розовые щеки и россыпь веснушек на носу. Парика он не носил, волосы цвета песка. Кэт заметила двух серых вшей, копошащихся у корней волос, где они распадались на пробор с левой стороны.

Он положил перо и подул на свои инициалы, чтобы буквы просохли. Кэт почувствовала, как его дыхание тронуло ее щеку. Она непроизвольно отвернулась. Он взял бумагу. Уставился на нее своими бледными глазами, ни голубыми, ни серыми, похожими на речную гальку.

Она протянула руку за бумагой, чтобы он поскорее ушел. Он дотронулся до ее руки. Она отдернула руку.

– Меньше спешки, – сказал он, улыбаясь, – больше скорости. Зачем спешить? – Он облокотился о стол правой рукой.левой рукой легонько, будто перышком, погладил ее шею. Она схватила свой циркуль и воткнула между его указательным и средним пальцами. Еще доля дюйма – и циркуль вонзился бы в пальцы.

Он отдернул руку. Острые ножки циркуля прокололи список расходов и вонзились в дерево стола.

Он вскинул руку:

– Черт побери, ты могла меня ранить. Тем более это моя правая рука.

– В следующий раз я вас заколю. – Кэт выдернула циркуль из стола и направила на него. – И одной рукой вы не отделаетесь.

– Ах так! – Он опустил руку и ухмыльнулся, показав длинные желтые клыки. – Чертовка. Мне нравятся женщины с характером.

Дверь кабинета открылась. Бреннан неторопливо направился к крючку, на котором висел его плащ.

– Как, вы еще здесь, Бреннан? – сказал Хэксби. – Я думал, вы давно ушли.

К чертежнику вернулось самообладание.

– Разговаривал с Джейн, сэр. – Он низко поклонился. – Желаю вам доброй ночи.

– Он подает большие надежды, – сказал мистер Хэксби, когда звук шагов Бреннана послышался на лестнице. – Особенно хорош в мелких деталях. Рен был прав.

Кэт подбросила еще лопату угля в огонь, старательно отворачивая лицо, чтобы скрыть румянец. В это время года огонь был роскошью. Снова расходы. Хэксби постоянно мерз, еще

один симптом болезни. Как он говорил, кровь у него теперь сделалась холодной. И становилась все холоднее и холоднее. Она распрямилась и посмотрела на него.

– Подойди ко мне, – попросил он.

Она отложила лопату и встала у его кресла.

– Эти проклятые деньги, – сказал он. – Не надо было брать у тебя.

– Сэр, у вас не было выбора. У нас не было выбора. Иначе мы бы умерли с голоду.

Кэт на Благовещение одолжила ему шестьдесят фунтов золотом – все, что у нее было. Эти деньги она нашла у отца, когда тот умер. Хэксби запаздывал с выплатой квартальной арендной платы и жалованья работникам. Он задолжал своей квартирной хозяйке за стол за два месяца. Были и другие долги. Заказов было много, но редкие клиенты платили за работу своевременно. Если повезет, деньги придут в надлежащий срок, и тогда все будет в порядке. Пока надо было выжить.

– Деньги налагают обязательства, – сказал он. – Меня беспокоит, что я, возможно, не смогу вернуть долг.

– Разумеется, сможете. Но сейчас нам нужны наличные деньги. Вот поэтому Марвуд был подарком небес, сэр. Если идти к ростовщикам, они ограбят.

– Не могу добиться приемлемых результатов. – Хэксби поднял правую руку. Костлявые пальцы дрожали. – Все больше дрожат.

– Зима была тяжелая, сэр. Все так говорят. Но теперь лето не за горами, скоро станет тепло...

– Я был у докторов. Эта моя лихорадка никогда не пройдет. Со временем это может коснуться не только тела, но и разума. С твоей помощью, с помощью Бреннана и, возможно, других чертежников мы протянем несколько месяцев. Возможно, несколько лет. Но дальше...

– Мы что-нибудь придумаем, – сказала Кэт. – Если станете больше отдыхать и меньше тревожиться, лихорадка будет прогрессировать медленнее.

– А как я верну тебе долг, если не смогу работать? Или Марвуду?

– Вы дадите мне кров, сэр, и работу. Это ваша выплата. А с Марвудом что-нибудь придумаем. Он выглядит вполне преуспевающим, чтобы подождать немного.

Помолчав, он сказал:

– Что будет с тобой, когда меня не станет?

Повисла тишина. Кэт не хотела думать о возможности смерти Хэксби. Не только его дрожь усиливалась, его дух был угнетен.

Хэксби выпрямился в своем кресле, расправил плечи, будто готовился к бою.

– Найди-ка мне бухгалтерскую книгу, Джейн. Проверим счета. Узнаем, насколько плохи наши дела.

Глава 9

– Мой муж, – сказала Джемайма, сидя за туалетным столиком на Пэлл-Мэлл и рассматривая свое отражение в профиль в зеркале, – удачливый человек.

И Мэри, чье отражение дрожало и смещалось позади отражения хозяйки, отозвалась, как искаженное эхо:

– Да, миледи, хозяин очень удачлив. Не сомневаюсь, он сам это знает.

«Да, – подумала Джемайма, – а когда мой отец умрет и Сайр-плейс и все остальное станет моим, он будет еще удачливее. Благодаря мне». Когда отец умрет, ее муж станет управлять Сайр-плейс и всем остальным. Включая свою жену, если только она не научится искусству управлять им.

Окончив туалет, она спустилась по лестнице, держась за перила одной рукой, а другой опираясь на Мэри. На ней было платье из серой тафты, строгое, но элегантное, и кулон с бриллиантом размером с голубиное яйцо. Мэри уложила ей волосы, припудрила лицо и украсила его мушками.

Вместо того чтобы пойти сразу в столовую, где уже слышался гул голосов, она спустилась в кухню. Ее встретили запахи предстоящего ужина, и ее затошнило. Она положила руку на живот. Неужели она беременна?

На кухне птицы вращались на шампурах над огнем, шипел жир, капая на жадное пламя. Кухарка и посудомойка присели в реверансе. Хал, кучер, снял шляпу и поклонился, а мальчик, сын Хала, попытался спрятаться за дверью в посудомойню, но Хал вытащил его оттуда и надавал таких пощечин, что тот ударился о стену. Лимбери не держали в Лондоне большой штат, и все их слуги были сейчас в кухне, кроме Ричарда и Хестер, прислуживающих за столом наверху, и садовника.

Джемайма молча и пристально смотрела на них. Она обычно посылала Мэри с распоряжениями. Но не вредно и самой показаться на кухне, даже если не хочется. Брак – это контракт, объяснял ей отец, и она готова исполнять свои обязательства, даже если муж даст слабину.

Дать слабину. Какое ничтожное, пустое, глупое выражение!

– Итак? – сказала она.

Кухарка снова сделала реверанс:

– Да, миледи. Все идет как надо.

Она задержала взгляд на кухарке, как учила ее мать когда-то давно в Сайр-плейс, а потом посмотрела на все повернутые к ней лица поочередно.

– Цесарка превратится в угли, если вы не досмотрите.

Кухарка придушенно вскрикнула и бросилась к очагу. Не произнеся больше ни слова, Джемайма оперлась на руку Мэри и отвернулась. Поднимаясь вверх по лестнице, она ощущала, если не слышала, как в кухне все выдохнули с облегчением.

В холле она остановилась в нерешительности. Она не видела Филипа с тех пор, как он заходил к ней накануне днем. Хотя утром он прислал слугу узнать, будет ли она обедать с ними сегодня. Она не любила встречаться с незнакомыми людьми, даже у себя дома. Ей также не хотелось видеть Филипа.

Словно уловив тревогу хозяйки, Мэри тронула ее за руку и прошептала:

– Вы прекрасно выглядите, миледи. Не припомню, чтоб вы выглядели лучше.

В столовой джентльмены встали и поклонились, когда она вошла, а Ричард тотчас ринулся к ней, чтобы предложить помощь. Ричард был лакеем Филипа, еще из прошлой жизни, до их женитьбы. Он был одет в ливрею и носил вставные зубы и потому выглядел респектабельно. Мэри говорила, что он ненавидит вставные зубы, поскольку они натирают десны.

Джемайма присела в реверансе и позволила проводить себя к столу.

– Моей жене нездоровилось в последние дни, – сказал Филип, – но она не могла остаться в постели, узнав, что вы будете у нас обедать, сэра Томаса. И наш дорогой друг Громвель тоже.

– Какой очаровательный бриллиант, – сказал Громвель, глядя с восхищением, но уважительно в направлении груди Джемаймы. Несмотря на свою неприязнь, она вынуждена была признать, что он был высоким привлекательным мужчиной. Когда-то он был богат, но теперь его средства значительно сократились. – На миледи Каслмен был похожий на днях, но не столь совершенный. И к тому же не такой крупный.

– Это принадлежало моей матери, – холодно произнесла Джемайма, равнодушная к его попытке обворожить ее. Когда они встречались в последний раз в Клиффордс-инн, он и не пытался быть обходительным.

– Просто потрясающе, – пробормотал он, оставляя всех гадать, относился ли комплимент к бриллианту или к ее груди.

Сэр Томас прочистил горло и отважился высказать пространное и полное тонких деталей мнение, которое, хотя поначалу было не совсем ясным, все же предполагало, что это обладатель бриллианта украсил его собою, а не наоборот.

Филип улыбнулся, глядя на нее с обожанием ласковыми карими глазами. Такая улыбка была призвана растопить ее сердце, и, когда он начал за ней ухаживать, ее сердце растопилось помимо ее воли.

– Люциус прав, любовь моя, – сказал он, – и сэра Томаса тоже, ты прекрасно выглядишь сегодня, прекраснее, чем когда-либо, если такое вообще возможно.

– Как можно улучшить совершенство? – спросил Громвель. Его манеры были обходительны, но, как и его желтый костюм, слегка старомодны. – Но миледи это удалось. Она обладательница двойного чуда, чуда природы и логики.

– Извольте шутить, сэра, – сказала она рассеянно, и ее губы дрогнули в подобии улыбки.

– Я никогда не шучу по поводу священных вещей, мадам.

«Ах ты, паразит!» – подумала она, улыбнулась и кивнула, а джентльмены рассмеялись и подняли бокалы в ее честь. Отдав долг вежливости, они вернулись к своему разговору.

– Я и не представлял, что вы будете слушать дело о Драгон-Ярде, – сказал Филип, обращаясь к сэру Томасу. – Какое совпадение. – Как Джемайме было хорошо известно по горькому опыту, он обладал способностью говорить самую нелепую и очевидную ложь с такой уверенностью, что она становилась истиной, не требующей доказательств. – Вызывает восхищение, что вы, судьи, заседаете из любви к стране и к городу, а не ради золота. Вы будете служить образцом для будущих поколений. – Он поднял бокал. – Тост. За здоровье и процветание наших судей Пожарного суда.

Они торжественно выпили, и тут в дверях появилась Хестер с цесарками, перед подачей на стол политыми соусом. Джемайма попробовала кусочек и заключила, что мясо отлично прожарилось. Это ее порадовало, так как еда, подаваемая у нее за столом, была предметом ее гордости, как и другие вещи, которые принадлежали ей.

– Я иногда сам посещаю слушания, сэра, – сказал Громвель. – Не то что у меня какой-то личный интерес. Как вы понимаете, меня интересует само качество решений.

– Вы юрист, сэра? – спросил сэра Томаса. – Кажется, не имел чести видеть вас в суде.

– Никогда не практиковал, сэра. Однако в молодости провел много полезных часов, изучая юриспруденцию, и, как мне кажется, сохранил способность оценить обоснованное дело и взвешенный вердикт. – Он отвесил поклон сэру Томасу.

Джентльмены закусывали, выпивали и снова выпивали. В комнате становилось теплее. Сэр Томас был вынужден удалиться за ширму – облежаться. Джемайме хотелось посмеяться над ними, над этой пародией дружбы, но вместо этого она нехотя ела и улыбалась комплимен-там, которые ей бросали, как объедки суке под столом. Время от времени, как следует хорошо

воспитанной хозяйке, она задавала вопрос – но не для того, чтобы что-то узнать, а чтобы предоставить собеседнику возможность блеснуть в ответе. Но к Громвелю она не обращалась.

Позже – через полчаса? час? – беседа вновь вернулась к Пожарному суду.

– Это не суд общего права, – говорил сэра Томас явно для нее, – однако наши решения имеют силу закона и могут отменять такие положения, которые обычно считаются неприкосновенными. Например, договоры аренды и контракты, касающиеся имущества.

– И если я правильно вас понимаю, сэра, – вставил Громвель с видом прилежного ученика, – ваши решения не создают прецедента и применимы только в отношении рассматриваемого иска.

– Точно. – Сэр Томас рьяно закивал и протянул бокал для добавки. – Вы совершенно правильно меня поняли, сэра. – Он лучезарно улыбнулся Громвелю. – Если позволите, юриспруденция только потеряла оттого, что вы решили применить свои силы в других отраслях знания. Наши усилия просто направлены на то, чтобы помочь Лондону вернуть свою славу как можно скорее, на благо городу и королевству в целом. – Он стукнул кулаком по столу. – Да что уж – всему миру. Разве наша торговля не охватывает весь земной шар и не обогащает все, к чему прикасается?

За этим последовал еще один тост, после чего Филипп произнес, улыбаясь:

– И если все пойдет хорошо, сэра, при мудрой помощи судей мы не только восстановим Лондон. Мы приумножим его славу на грядущие столетия.

– Я полагаю, Драгон-Ярд станет частью этого, – сказал Громвель. – Так, Филипп? Конечно, если на следующей неделе будет принято решение в вашу пользу.

«Вот оно, – подумала Джемайма, – наконец-то мы достигли цели этого утомительного застолья».

Громвель обратился к судье:

– Я изучил планы. Какой превосходный проект, сэра! Это будет самый благородный район с домами первого класса, спроектированными и построенными таким образом, чтобы они были защищены от будущих пожаров. Безопасные, просторные – украшение города. К тому же все это на благо населению и торговле, как я понимаю. Откроется новый проезд на Чипсайд, что избавит от заторов на дорогах.

У Твиздена сделалось серьезное лицо. Он стал похож на раскрасневшегося сыча.

– Без сомнения, сэра, без сомнения. Хотя все это потребует значительных вложений.

– Не станем утомлять сэра Томаса деловыми разговорами. – Филипп улыбнулся всем сидящим за столом. – Не сыграть ли нам партию-другую в карты, сэра?

Судья преисполнился радостью:

– Если ее светлость не станет возражать. Ну и Громвель, конечно, тоже.

– С превеликим удовольствием, – отозвался Громвель, улыбаясь. – Как насчет лантерлоо? И может, начнем с шиллинга или двух?

– Почему бы и нет? Это добавит азарта, не так ли?

– Думаю, сэра, – сказала Джемайма, – если вы не возражаете и если сэра Томас и мистер Громвель не сочтут меня неучливой, я оставлю вас наслаждаться игрой.

– Разумеется, они вас простят, любовь моя, – сказал Филипп. – Вы еще не совсем оправились. Вам нельзя переутомляться. Мы можем играть как вчетвером, так и втроем. Ричард! Пошли за Мэри, пусть она поможет хозяйке подняться по лестнице.

Через пару минут Джемайма удалилась. Сэр Томас так низко поклонился ей, что наткнулся на стул и чуть не упал.

– Все хорошо, миледи? – ласково поинтересовалась Мэри, когда они поднимались по ступеням.

– Вполне хорошо.

Джемайме хотелось добавить «для твоего хозяина», но она удержалась. Она могла побиться об заклад, что Филип заранее узнал о страсти Твиздена к лантерлоо и что он договорился с Громвелем о том, чтобы судья выиграл у каждого из них фунт или два.

Когда сэр Филип Лимбери за ней ухаживал, он казался человеком импульсивным, а его любовь к ней казалась такой же чистой и искренней, как само солнце. Однако вскоре после свадьбы она узнала, что он почти ничего не делал случайно. Практически во всем, что он говорил или делал, была цель. Иногда их было несколько.

Когда она уселась в свое кресло у окна и дверь в комнату закрылась, она подозвала Мэри.

– То другое дело. Ничего? Уверена?

– Да, миледи.

– Слуги должны знать. Им всегда все известно. А Ричард? А Хал?

– Кучер проболтался бы, мадам. Да и Ричард, возможно.

Джемайма взглянула на Мэри:

– Поговори с Ричардом. Вдруг он проговорится насчет четверга.

– Он из тех, кто ничего не делает даром, мадам. Он служит хозяину и самому себе.

Никому больше.

Джемайма облизнула губы.

– Тогда сделай так, чтобы он тебя возжелал. Посмотрим, может, в таком случае он откроет свой беззубый рот. Я должна знать, кто была та женщина.

Мэри уставилась на хозяйку:

– То есть вы хотите, чтобы я...

Джемайма пристально посмотрела в ответ:

– Да.

Глава 10

После обеда в «Барашке» я отправился взыскать небольшой долг с человека, которому помог получить работу разносчика «Лондон газетт». Он жил на Лиденхолл-стрит, на противоположной стороне дороги от рынка, в небольшой части Сити, отгороженной стеной и уцелевшей во время Пожара.

Получив деньги, я повернул направо и пошел на запад по направлению к тому, что осталось от Корнхилл. Улицы были практически полностью расчищены, а земля по обеим сторонам была поделена на строительные участки. Но, к сожалению, за время, прошедшее после Пожара, сорняки успели захватить развалины, и в потайных уголках выросли настоящие дикие сады.

В это время суток развалины, окутанные хрупким налетом обыденности, были достаточно безопасны. После заката все менялось, и только болваны отваживались посещать эти выгоревшие улицы без фонарей и охраны. Сейчас же здесь, среди руин, трудились рабочие, которые готовили Сити к возрождению. Повсюду по своим делам сновали горожане, как было на этих улицах веками и, без сомнения, веками будет продолжаться. Уличные торговцы зазывали покупателей. Все в чем-то нуждались, и потребность купить или продать была столь же стойкой, как сама жизнь.

На каждом углу стояли или сидели нищие, пытаясь схватить за рукав прохожих. Многие утверждали, что потеряли дома и все имущество на Пожаре. На Полтри я остановился, чтобы прочесть на выдавшей виды грифельной доске полустертое объявление, написанное едва различимыми печатными буквами: МЭРИ ПРИХОДИ В МУРФИЛДС ВЕСТ-САЙД СЛАВА БОГУ ТЫ ЖИВА. В Мурфилдсе еще оставалось множество палаток и тентов, хотя и меньше, чем раньше. Большинство беженцев испарились, как снег весной. Некоторые остались, сбившись вместе в небольших импровизированных лагерях. Другие нашли жилье у родственников и друзей. А некоторые уехали в надежде начать новую жизнь в других частях королевства.

Я шел вдоль дороги, ведущей к Полтри и Чипсайду, где некоторые домовладельцы уже принялись восстанавливать свои дома, невзирая на правила, и расположили лотки прямо на руинах. От каменного остова собора Святого Павла я пошел на запад через почерневшую арку Ладгейта и дальше к мосту через Флит-Дич. На Флит-стрит я остановился у лотков, которые жались, как цыплята к курице, к южной стене церкви Святого Дунстана на Западе.

И вдруг меня захлестнула волна скорби. Я совершенно не был к этому готов. Я споткнулся и вновь обрел равновесие, ухватившись за край книжного лотка. Мой отец умер здесь, всего в нескольких футах от того места, где я стоял. Раздавленный колесами телеги. Но то, что я испытывал, было больше, чем горе, больше, чем чувство вины. Главным чувством был гнев, пронзающий, как острый клинок.

Муравей помог мне вновь обрести равновесие. Крошечное существо, похороненное в белой краске, которое убедило меня окончательно, что в истории моего отца, которую он мне поведал во время нашего последнего разговора в последний вечер его жизни, в истории, которая больше походила на описание сна, был смысл. Все сошлось: Клиффордс-инн, законники, кирпичное здание в саду. Но именно муравей доказывал, что все это был не сон.

Если муравей был реальностью так же, как и другие обстоятельства, то почему остальное не могло быть реальным тоже? Иначе говоря, отец последовал за женщиной, которая походила на мою умершую мать, по крайней мере, со спины. А раз так, значит ли, что его описание того, что он увидел за дверью мистера Громвеля, было тоже реально?

К своему изумлению, я поймал себя на мысли, что в самом деле верю, что существовала роскошная комната там, где теперь кабинет ученого. И яркий ковер, и греховная картина, и падшая женщина на кушетке были столь же реальны, как этот лоток рядом, как потерянные, в пятнах сырости и попорченные огнем тома, выставленные на продажу.

Блудница, чья кровь, возможно, была у отца на манжете и на клочке бумаги, что у меня в кармане. Мертвая женщина, чьи глаза он закрыл. Вывод был один.

– Сэр, – слышался низкий голос на уровне моего локтя, – похоже, я имею честь обращаться к мистеру Марвуду? Мне очень повезло.

Я вздрогнул. Перед моим носом возникла большая черная шляпа. Ее широкие поля были загнуты назад, открывая маленький нос на широком лице, багровом, как предзакатное солнце, и два голубых покрасневших глаза, глядевших прямо на меня.

– Добрый день, мистер Челлинг, – сказал я. – Простите меня, сэр, я витал в облаках.

– Вы, без сомнения, из Уайтхолла. Нет ли... нет ли новостей от короля?

– Пока нет, сэр. Сегодня я еще там не был.

– Когда будете там, вы ведь вспомните наш разговор? – Челлинг отложил книгу, которую изучал, и схватил меня за рукав. – Насчет Пожарного суда и наших затруднений с оплатой счетов. Не говоря уж об управлении Клиффордс-инн.

– Разумеется. – Я подумал, что мне повезло его встретить. Если бы удалось убедить Челлинга сказать мне то, что я пытался узнать, не пришлось бы обращаться за помощью к Хэксби и, следовательно, не было бы необходимости давать ему денег в долг. Тогда я бы остался практически гол как сокол. – Не хотите ли выпить со мной за здоровье короля? – спросил я. – Мы могли бы заглянуть в «Дьявол».

– С большим удовольствием, сэр.

Челлинг поклонился, но так неловко, поставив ногу на неровный камень, что чуть не упал. Я поймал его за руку и помог обрести равновесие. Мы вместе перешли дорогу не без определенных трудностей, отчасти из-за движения, отчасти из-за того, что он носил каблуки высотой в два дюйма. В «Дьяволе» мы прошли наверх, в пивную. Я заказал вина и нашел нам место на краю стола в задней части зала. В зале было шумно. На другом конце стола четверо студентов-юристов громко распевали балладу, а пара солдат горячо спорила о диспозиции драгун в каком-то сражении.

– Вы давно знакомы с мистером Хэксби? – спросил Челлинг.

– Нет, сэр. Только с прошлого года, когда выполнял задание в соборе Святого Павла, о котором он упомянул.

– Конечно, вы ведь уже говорили. Что вы думаете о его так называемой кухне? Джейн. Кто она такая, он сказал? – Челлинг ткнул меня пальцем в плечо. – Хитрый старый пес. Бьюсь об заклад, она согревает его по ночам.

Я вежливо улыбнулся.

– Было так благородно с вашей стороны помочь мне утром, – сказал я, пытаюсь увести разговор подальше от Кэтрин Ловетт. – Вы упомянули этого Громвеля. Я...

– Громвель! – выкрикнул Челлинг. – Вечно какая-то блажь у него в голове. Я терпеть не могу этого человека. Всех нас в жизни постигли разочарования, но он переносит свои менее достойно, чем другие, которых я знаю.

– Вы давно с ним знакомы?

– Слишком давно, сэр. Слишком. Не хочу ни к кому относиться не по-христиански, но боюсь, он слишком важничает, и без каких-либо на то оснований. В конце концов, мы оба являемся членами клуба. Мы равны...

– Члены?..

– Клиффордс-инн, сэр. – Он замолчал, словно давал мне время осознать важность этого факта. – Видите ли, я учился профессии юриста, хотя в настоящее время помогаю им в Пожарном суде. Я прожил в Клиффордс-инн без малого тридцать лет. Знаете, на днях директор был так добр, что сказал, что без меня все там было бы совсем другим. Конечно, сейчас управляющий – Громвель, и он извлекает из этого всю возможную выгоду, ведет себя со всеми чрез-

вычайно высокомерно. Вот Пожарный суд – отличный пример. Не то чтобы тринадцатая лестница была бы кому-то еще нужна... О, это нам вино?

– Лестница?..

Челлинг следил за официантом.

– Тринадцатая лестница, – сказал он рассеянно. – Я вам уже раньше говорил. Она не полностью разрушена. Первый этаж вообще непроницаем для непогоды. Если бы мы могли хранить там мебель, запасы и прочие принадлежности Пожарного суда, это облегчило бы нам жизнь. Пока же нам приходится все выносить из зала, когда Пожарный суд не заседает, для того чтобы в Клиффордс-инн могли этим пользоваться. Это означает... О Боже правый!

Официант был неуклюж. Бутылка накренилась, и капли вина брызнули на стол.

– Болван! – вскрикнул Челлинг. – Тупица!

– Прошу прощения, господа, прошу прощения. – Официант стал вытирать стол.

– Давайте без промедления выпьем за здоровье короля, сэр, – сказал Челлинг, хватая бутылку. – Верность престолу этого требует. Позвольте, сэр?

Он разлил вино – поспешно, но не пролив ни капли. Мы выпили за здоровье короля, а затем за здоровье других членов королевской семьи.

Я поставил бокал на стол после того, как мы утопили монархию в вине.

– А много ли еще джентльменов, которые придерживаются правил?

Челлинг снисходительно улыбнулся.

– Видно, вы не учились профессии юриста, – сказал он с ноткой жалости. – В Клиффордс-инн есть директор и двенадцать управляющих. Мы их иногда называем старейшинами. Они образуют совет, который управляет делами в соответствии с положениями, установленными нашим высокоуважаемым учредителем.

– Да, но, как я понимаю, все ваши члены – юристы. Как в Темпле, к примеру, или в Линкольнс-инн.

– Не совсем так, сэр. У нас иной статус. Тут гостиница при канцелярии, в то время как в Темпле и Линкольнс-инн расположены судебные гостиницы. В прошлые времена нашими членами были адвокаты и стряпчие, которые выступали в Суде королевской скамьи или в судах общей юрисдикции. Или же они были молодыми джентльменами, окончившими университет или гимназию, которые поступали сюда, чтобы пройти подготовку по юриспруденции. Именно Правила решают, кого принять в наше сообщество, кто получит жилые комнаты на территории. Мы...

– Значит, мистер Громвель юрист? – прервал его я.

Челлинг надул щеки.

– Я бы не назвал его юристом. – Он взял паузу, чтобы выпить вина. – Его вообще нельзя назвать никем стоящим. Правда, когда он был молодым человеком, его приняли в наше сообщество, поэтому он, возможно, и имеет какие-то азы знаний по юриспруденции, но не более того... Ему бог весть что приходит в голову. Взясся за юриспруденцию, бросил. Называет себя антикваром, а сам копается в старых пыльных бумагах, роется в разрушенных зданиях и живет за счет щедрости своих друзей.

– Если он не юрист, почему он здесь?

– Хороший вопрос, сэр. – Теперь Челлинг отчаянно потел. – За последние пятьдесят лет в Клиффордс-инн распахнулись двери перед теми, кого наш учредитель и близко бы не подпустил. Дядя мистера Громвеля был когда-то управляющим и потратил бог весть сколько на ремонт своих покоев, в результате чего получил право передать их кому-то после своей смерти. Он выбрал племянника.

– Номер три по четырнадцатой лестнице

Челлинг кивнул, но бросил на меня подозрительный взгляд.

Я сказал:

– Как несправедливо, сэ, что такой человек пользуется щедростью своего дяди. Да еще в ущерб другим.

– Точно. – Челлинг снова кивнул и снова посмотрел на меня с подозрением. – Трудно представить более неподходящий выбор. – Он испытующе уставился на меня и отер лоб торчавшей из рукава манжетой сорочки. – Мы живем в ужасное время. После восстания против покойного короля все пошло не так в нашей несчастной стране. Возьмем Клиффордс-инн. У нас нет студентов. По крайней мере, в том количестве, что было до войны. Они поступают куда угодно, но не к нам. До войны, поверьте мне, старейшины никогда бы не пали так низко, чтобы избрать такого человека, как мистер Громвель, на пост управляющего. Не укладывается в голове! Он утверждает, что пользуется влиянием при дворе, но у него не больше влияния, чем... – Челлинг топнул ногой, – чем у моего башмака.

Во время последней речи слова мистера Челлинга стали жить самостоятельной жизнью. Они наталкивались друг на друга. Согласные смазывались, а гласные растягивались. Соединить слова в предложения ему удавалось не с первого раза.

Я понял, что мой гость опьянел всего с одной бутылки вина. Но, возможно, это была не первая бутылка за день. Но даже если и вторая. У меня появились сомнения, что мне удастся узнать у него еще что-нибудь полезное о Пожарном суде сегодня. По крайней мере, он с видимым удовольствием брюзжит по поводу Громвеля.

– Мой отец заходил в покои мистера Громвеля на прошлой неделе, – сказал я, пытаюсь взять контроль над беседой, пока не будет слишком поздно.

– Повидать Громвеля? Зачем?

– Он попал туда по ошибке. Не уверен, что он вообще видел мистера Громвеля.

Челлинг опустошил свой бокал и скорбно посмотрел на пустую бутылку. Я подал знак официанту.

– Но ваш отец уж наверняка может вам сообщить, видел он его или нет.

– К сожалению, он умер в пятницу.

– Да благословит нас Господь, сэ! – Похоже, Челлинг только сейчас обратил внимание на мой траурный костюм. – Как это случилось? Надеюсь, это не чума или...

Я покачал головой:

– Несчастный случай.

– Бедный джентльмен. Мы... мы должны почтить его память.

Прибыла вторая бутылка, и Челлинг взял бокал. Его интерес к моему отцу исчез так же быстро, как возник, и мы не почтили память отца. Он вернулся к теме Громвеля и набросился на нее с таким ожесточением, как пес, который чешет место, куда укусила блоха.

– Что самое неприятное в Громвеле, так это его убеждение, что он стоит выше всех нас. Он родился наследником старинного поместья в Глостершире. Отец отправил его учиться в Оксфорд, но он напрасно тратил там время и деньги. Потом отец умер, а поместье оказалось обременено долгами: каждый акр земли был заложен, я слышал, что и сама земля была в плачевном состоянии. Что еще хуже, его братья и сестры предъявили свои права на наследство по завещанию отца, но никаких денег для них не осталось, и они подали в суд на брата. Громвель – тупица: вместо того чтобы разрешить дело миром, он стал бороться в суде. В результате ничего не получил, кроме никчемных старых книг и бумаг и огромной кучи долгов. Скажу вам прямо, сэ, он знает, как поправить свои дела, не лучше моей прачки.

– На что же он тогда живет?

– Я же вам говорил: он сущий паразит, живет за счет друзей. – Мистер Челлинг все еще был способен относительно связно мыслить, но его речь обрела новое качество. Он говорил медленно, будто иностранец, который не совсем понимает значения слов или то, как они произносятся. – Есть один джентльмен, с которым он был знаком в свои лучшие времена. У того есть друг при дворе, а один из его одноклассников даже служит камердинером в спальне. Гово-

рят, он становится совершенно другим человеком в их обществе. Ха-ха! Сама обходительность и любезность. – Он пожал плечами слегка, но чуть не свалился со скамьи, на которой сидел. – Он, если захочет, может быть интересным и жизнерадостным. И полезным тоже. Может составить родословную или развлечь беседой. В ответ они ссужают ему деньги, приглашают погостить и накрывают для него стол. Невзирая на весь его гонор, Люциус Громвель всего лишь ручная собачонка. – Челлинг грозно взглянул на меня и потряс кулаком. – Пусть знает. Вот что я скажу. Нет неуязвимых людей.

– Совершенно верно, сэр.

– Поверьте, он у меня еще поплачет. Я знаю, как его уколоть.

Челлинг замолчал и выпил еще вина. Лицо у него было очень красным и мокрым от пота.

Я сказал:

– Вы знаете, как его...

Челлинг грохнул бокал о стол с такой силой, что ножка обломилась.

– Ручная собачонка! – выкрикнул он так громко, что на мгновение в пивной воцарилась тишина. – Вы обязаны рассказать королю, когда его увидите. Громвель – проклятая, мяукающая, блюющая, скулящая, гадящая ручная собачонка! – Он изменился в лице. Он смотрел на меня, выпучив глаза, в которых был ужас. – О боже, как я устал от всего этого!

Его тело обмякло. Он положил руки на стол и уронил на них голову. И закрыл глаза.

Для человека маленького роста мистер Челлинг оказался неожиданно тяжелым.

Я заплатил по счету, и официант помог мне спустить Челлинга вниз по лестнице до входной двери – путешествие, полное опасностей, поскольку дважды он предпринял попытку высвободиться, настаивая на том, что он всегда стоял на своих ногах и не имеет намерения менять свою политику относительно этого вопроса.

Мне пришлось снова заплатить официанту, чтобы тот помог нам перейти на другую сторону Флит-стрит. Юрист болтался между нами, изредка пиная нас в голени, но мы успешно доволокли его мимо церкви Святого Дунстана до ворот Клиффордс-инн. Там нам на помощь пришел привратник.

– Снова набрался, да? – сказал он. – Он слаб насчет выпивки, сэр. Думаю, это из-за его роста. Сами посудите: если налить кварту в горшок размером с пинту, он переполнится.

– У меня сердце льва, – пробормотал Челлинг. – Вот что имеет значение.

– Да, сэр. – Привратник подмигнул мне. – Главное, чтобы директор не услышал, как вы рычите.

– Отведи его на квартиру, – сказал я.

Привратник пошарил по карманам Челлинга, и обнаружилась связка ключей.

– Чем скорее убрать его с глаз долой, тем будет лучше.

Он оставил мальчишку сторожить ворота. Вдвоем с другим служителем они проволокли Челлинга через двор на глазах у заинтересованной кучки зевак, собравшихся перед залом, где еще еще заседал Пожарный суд. Я расплатился с официантом и последовал за ними.

Челлинг занимал комнаты по пятой лестнице корпуса в восточной части двора, граничившего на севере с двором церкви Святого Дунстана на Западе. Это было одно из самых старых зданий гостиницы, построенное как частный дом. Лестница была тесной и темной.

На каждой площадке располагалось по две двери, напротив друг друга, как в новом здании, но на этом сходство заканчивалось. Пахло сыростью и гнилью. Каменные ступени были неровными, истертыми поколениями ног.

Как нарочно, комнаты Челлинга оказались на мансардном этаже, который был добавлен к зданию гораздо позже. Привратник отпер дверь. Они втащили его в кабинет со скошенным потолком и наклонным полом. Обстановка пышностью не отличалась: стол, комод, кресло и

единственный стул. Мансардное окно выходило на восток и открывало вид на развалины Сити. В очаге валялась сломанная трубка, и кабинет пропах застарелым табаком.

Привратник бросил ключи на стол и вопросительно на меня посмотрел:

– На кровать, господин?

Я кивнул.

Служитель отворил внутреннюю дверь, и они вдвоем внесли Челлинга в комнату немногим больше шкафа. Скинули его на незастланную кровать. Ноги пьяного свешивались с нее. Один башмак свалился и брякнулся об пол. Круглое лицо Челлинга было обращено к потолку, а волосы образовывали неровный серый нимб на грязной подушке. Рот приоткрылся. Губы были розовыми и нежными, словно бутон розы на куче компоста.

– Вы его друг, сэр? – спросил привратник. – Похоже, раньше я вас не видел.

– Да. – Увидев, что привратник смотрит на меня вопросительно, я добавил: – Мистер Громвель за меня поручится. Мое имя Марвуд.

Привратник кивнул, давая понять, что сделал все и даже больше, чем требовал от него долг.

– Тогда все?

Я нащупал кошелек.

– Да, благодарю.

Я дал служителям по шесть пенсов. Вернулся в кабинет и услышал их шаги на лестнице. Из спальни донесся храп, который становился все громче. Я оглядел тесную каморку. Здесь, под самой крышей, было очень тепло и душно. Окна были закрыты. Попалось на глаза несколько книг. На столе стояли немытая кружка и оловянное блюдо.

У Челлинга явно настали трудные времена. Вероятно, не только Громвель в Клиффордс-инн выживал благодаря щедрости друзей. Куда ни глянешь, всюду вопросы без ответов, и большие, и маленькие. После всех потраченных усилий, времени и денег все, что можно было предъявить, – это куча неясностей.

Вдруг во мне проснулся гнев, а гнев заставлял меня действовать. Раз уж я здесь, по крайней мере, надо использовать все возможности. В нише у печи стоял шкаф. Он был заперт, но вскоре один из ключей Челлинга решил дело. Я открыл дверцу, давно не смазанные петли заскрипели.

В нос ударил запах старой кожи и заплесневевшей бумаги. В шкафу были устроены полки. Внизу выстроились ряды книг в разномастных обложках. Наверху лежала одежда, большей частью ветхая и изношенная. На самой верхней полке на стопке бумаг толщиной с дюйм лежала кожаная фляга, рядом были письменные принадлежности.

Я откупорил флягу и понюхал содержимое. Пахнуло алкоголем с примесью чего-то еще – кажется, можжевельника. Значит, помимо вина, Челлингу также нравится голландский джин. Что касается бумаг, на вид это были записи, сделанные на удивление красивым почерком, – буквы были ровными и изящными. Я глянул на верхние страницы. Они были написаны на латыни. Каждое слово похоже на аббревиатуру. Я порылся в стопке и нашел страницу, написанную на английском. Это оказалось неоконченное письмо, но его содержание было столь же непонятным, как записи на латыни.

Сэр!

Меня глубоко печалит сверх всякой меры, что моя совесть требует, чтобы я сообщил Вам эту горестную новость, не только во благо нашего товарищества и его репутации в обществе, но также чтобы предостеречь Вас об опасностях чрезвычайно щедрого и чрезвычайно доверчивого духа. На Феттер-лейн, у Хол...

Три последние слова были смазаны: очевидно, автор письма сунул его в стопку бумаг, не высушив чернил.

Хлопнула дверь где-то на нижнем этаже. Я прислушался. Кто-то поднимался по лестнице. Шаги приближались. Я собрал бумаги, вернул их в шкаф и положил флягу сверху. Когда я закрывал дверцу, петли заскрипели.

Теперь шаги слышались на площадке. Времени запирать шкаф не было. Дверь в кабинет Челлинга оставалась полуоткрытой. В дверь постучали. Потом она распахнулась.

В комнату вошел Люциус Громвель. Он пригнулся, так как косяк двери был очень низким. Оказавшись внутри, он распрямился. Тулья его шляпы задевала потолок в самом высоком месте. На нем был добротный костюм тонкого сукна желтого цвета. Однако вид портило большое красное пятно на груди и не совсем свежая сорочка. Лицо раскраснелось от выпитого вина.

Он нахмурился:

– Я вас знаю... Вы приходили ко мне сегодня утром, рассказывали небылицы про своего отца. Что вы здесь делаете?

Я кивнул в сторону открытой двери в спальню. Храп, доносившийся оттуда, был еще громче, чем раньше.

– Мистер Челлинг не вполне здоров, – сказал я. – Его донесли до постели.

– Но кто вы такой? – требовательно спросил Громвель. – По какому праву вы...

– Тише, сэр, он только что уснул. Было бы немилосердно его будить.

– Так вы врач? А он ваш пациент? Правдоподобная история.

– Нет. Я друг.

Громвель рассмеялся:

– У Челлинга нет друзей. Если вы вообще с ним знакомы, должны были бы знать.

Сами по себе слова были оскорбительны, но его манеры были и того хуже. Утром, по крайней мере, он вел себя вежливо. Теперь он излучал враждебность.

Громвель прошел к двери и распахнул ее настежь. Взглянул на Челлинга, и его лицо перекосилось от отвращения. Он повернулся ко мне и указал на входную дверь:

– После вас, сэр.

Я выдержал его взгляд, задаваясь вопросом, зачем Громвель пришел с визитом к человеку, которого он не любил и не уважал.

– Убирайтесь, – сказал Громвель. – Тотчас. У меня здесь имеются полномочия. Не вынуждайте меня их применить.

Он не оставил мне выбора. Я поклонился и вышел. На лестнице остановился и прислушался.

Наверху было тихо. Громвель все еще не выходил из комнат Челлинга. И тут я услышал слабый, но знакомый звук – скрип петель дверцы шкафа.

Глава 11

Раздался стук в дверь. Хэксби резко поднял голову, и пачка бумаг сползла с его колен на пол.

Была среда, чуть за полдень: небо хмурое, как и настроение в чертежной. Несколько часов тому назад ученик торговца канцелярскими принадлежностями доставил неожиданный счет.

Мальчишка снизу принес письмо. Хэксби вскрыл его и пробежал глазами. Передал письмо Кэт.

– Марвуд не сможет пожаловаться, что мы не выполняем своих обязательств по сделке.

Письмо было от Челлинга в ответ на запрос, который Хэксби направил в Клиффордс-инн вчера вечером. Следующее дело в Пожарном суде будет слушаться ровно через неделю, 15 мая, судьи Твизден, Уиндам и Рейнсфорд. Согласно записям Челлинга, дело касалось участка, известного как Драгон-Ярд, расположенного на полпути между Чипсайдом и тем, что осталось от Ратуши. Истец – сэр Филип Лимбери, фригольдер, и четыре ответчика, которых Челлинг не назвал.

– Д. Я., – сказала она тихо. – Марвуд об этом спрашивал: Драгон-Ярд.

Хэксби кивнул.

– Письмо это подтверждает. Лимбери? Знакомое имя.

– Сэр Филип Лимбери? – сказала Кэт, и в ее памяти невольно возникли ее кузен Эдвард и один из его приятелей, высокий смуглый мужчина. – Придворный?

– Вполне вероятно, – сказал Хэксби. – Драгон-Ярд – довольно обширный участок, насколько мне помнится. Интересно, что он собирается с ним делать. Надо выяснить.

Его голос стал резким и более молодым. У Хэксби был нюх на благоприятные возможности. И если он не отличался талантом сводить баланс своих счетов, то никогда не упускал возможность, сулящую заказ.

Бреннан положил свое перо.

– Это вблизи от Чипсайда. Могу наведаться, сэр, если хотите. Посмотрю что да как.

Кэт задержала дыхание.

– Пожалуй, сам посмотрю, – сказал Хэксби. – Вреда от этого не будет, воздух пойдет мне на пользу. Возьми экипаж, Джейн.

– Хотите, сэр, чтобы я поехал с вами? – спросил Бреннан. – Вдруг нужно будет сделать замеры или продиктовать заметку?

Вопрос повис в воздухе. Кэт впилась ногтями в ладонь. Неужели мистер Хэксби не видит, к чему клонит Бреннан. Чертежник пытается втереться в уважаемое бюро Хэксби, сделаться незаменимым.

Она научилась хитрить.

– В этом случае, господин, должна ли я закончить работу Бреннана? Северный фасад склада на Темза-стрит.

Хэксби хмуро на нее посмотрел:

– Упаси господи. Это беловая копия, все сразу увидят разницу. Кроме того, у тебя нет опыта. – Она скромно склонила голову. – Нет, – продолжил он. – Пусть Бреннан останется здесь. Думаю, ты должна поехать со мной.

– Драгон-Ярд, господин? Вот Драгон-Ярд.

Торговец пивом перегнулся через край своего ларька и указал на неровный ряд руин по другую сторону Чипсайда, отмеченный белыми столбами, которые отбрасывали удлинявшиеся

тени на восточной стороне. Был ранний вечер, но двое работников продолжали трудиться в углу участка, лопатами загружая обломки на тележку.

Хэксби положил шиллинг на доску, служившую прилавком.

– Кто владелец?

– Раньше принадлежал Пултонам. Видите, вон там пожилой джентльмен. – Торговец пивом кивнул в сторону высокого мужчины, закутанного в плащ, который изучал почерневшую дымовую трубу одной из руин. – Повезло ему.

– Не похож на везунчика, – сказал Хэксби.

Торговец пивом вежливо отвернулся и сплюнул влево на землю.

– Не судите о книге по обложке, господин. Торговец тканями. Одним словом, богач.

Кэт посмотрела в его сторону. Пултон был худощавым человеком, таким сутулым, словно всю свою жизнь он провел, проходя через низкие дверные проемы. Для торговца тканями он был одет просто, даже убого.

– Пултон, ну конечно. Я знаю его по репутации, – сказал Хэксби. – Он друг Роберта Хука. Да, так и есть. Мне кажется, я как-то встретил его в компании мистера Хука... Ты говоришь, он был владельцем?

– Думается, он и есть владелец того, что осталось. Но есть джентльмен из Уайтхолла, у него фригольд. Мрачное дельце, не так ли? Мистер Пултон прожил здесь без малого сорок лет. Вон там, видите, где он сейчас стоит, был большой дом. А семья его брата жила в доме по соседству. А еще и кузены жили в домах позади. Сад тоже был, а еще и конюшня, и пастбищный загон рядом. Теперь ничего этого нет. – Торговец бросил взгляд в сторону Кэт, потом снова посмотрел на Хэксби. Затем добавил благочестиво, но не очень убедительно: – Господь нас всех наказал, и высоких, и низких за грехи Сити и пороки двора.

– Что собираются строить?

– Дома для богачей, это точно. Спросите мистера Пултона, если хотите знать больше. Но предупреждаю, ему палец в рот не клади, откусит, если зазеваетесь. Или можете спросить у его племянницы, если ее найдете. – Торговец ухмыльнулся. – Она вдова. И превеселая.

Хэксби допил пиво. Он выглядел бодрым, чего не случалось несколько дней, если не недель. Экспедиция подействовала на него как укрепляющее средство.

Он взял Кэт под руку, и они перешли на другую сторону Чипсайда сквозь поток транспорта.

– Это большой участок, – сказал он, когда они оказались на другой стороне в безопасности. – Возможно, когда-то здесь был постоянный двор. – Он направился к тому, что осталось от переулка между двумя домами.

– Эй, вы там!

Мистер Пултон угрожающе размахивал тростью.

Хэксби выпустил руку Кэт и направился в сторону Пултона, лавируя между большой кучей строительного мусора и рядами почерневших столбов, которые когда-то, вероятно, были хозяйственными постройками.

– Это частное владение, – сказал Пултон. – Проход запрещен. Я не допущу нарушителей.

Хэксби поклонился.

– Вы правы. Мистер Пултон, если не ошибаюсь? Меня зовут Хэксби. Мне помнится, мы встречались у милорда Брункера два или три года назад.

Вместо парика и шляпы Пултон носил облегающий черный колпак, подчеркивающий форму его черепа. У него были глубоко посаженные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.